

Эд Данилюк "Пожар Саниры"

Исторический детектив

Ознакомительный фрагмент (первые 20% текста)

Действие романа происходит на заре цивилизации, пять с половиной тысяч лет тому назад в одном из первых городов Европы, городе Триполья. Таинственный пожар начался ночью, огонь вспыхнул одновременно в разных местах, и ни один дом не уцелел. В мире, где помощи ждать неоткуда, сотни людей оказываются в бедственном положении. Последующие дни не приносят ясности, загадки лишь множатся. Волей судеб молодой горожанин Санира становится участником этих страшных событий...

ISBN 978-5-519-49342-0

ISBN 978-966-355-123-4

Сайт книги: <http://danyluk.ru>

Любое совпадение персонажей с реальными людьми является случайным. Трактовка исторических событий, а также явлений и концепций может не соответствовать общепринятой. Поступки и высказывания персонажей отражают их эпоху вне зависимости от точки зрения автора.

Вступительное слово автора

Никто не знает, когда люди стали обживать земли, на которых ныне стоит Володимир. Так или иначе, с длительными и короткими перерывами это происходило на протяжении тысяч лет.

Скромному нынешнему существованию города предшествовали века величия, когда он был столицей королевства и княжеств. В год крещения Руси киевский князь дал ему своё имя. В конце IX века город, говорят, открыл свои ворота венгерскому вождю. В середине VII века поселение разрушил неизвестный враг¹, и люди переселились ближе к реке, как раз туда, где Володимир находится в наше время...

Собственно, мы обнаруживаем в тех краях остатки жилищ, построенных ещё в конце ледникового периода. Почти сто тысяч лет утюжил, выравнивал эту землю лёд чудовищной, полукилометровой толщины. Окажись его обломок в нашем времени, птицы бы летали ниже его верхней кромки — пернатые редко поднимаются от земли на высоту более трёхсот-четырёхсот метров. Выжить в той белой пустыне было невозможно. Никому.

Когда стало понемногу теплеть и безжизненная, жестокая Антарктида начала отступать, на обнажившуюся из-под льда землю пришли люди. Они начали строить гигантские по тем временам посёлки из пяти-семи яранг, населённые невероятно большим количеством жителей — человек тридцать, а то и пятьдесят.

Ледники продолжали таять; уровень Мирового океана повышался; залив к северу от перемычки Босфора всё больше наполнялся водой, пока не превратился в Чёрное море. Благодатные долины были постепенно затоплены, и целым народам пришлось искать себе новую родину на тех землях, что ещё недавно граничили с безжизненным льдом².

Семь с половиной тысяч лет тому назад произошло новое потрясение — появился народ, который знал, как прокормить большее количество ртов, как организовать огромное количество людей, как привести к единому порядку жизнь на необъятных территориях, как строить невиданные до сих пор поселения — города. От Полесья до устья Дуная, от Днепра до Карпат этот народ построил множество городов, весьма странных городов, городов-ферм, городов-улиток, в которых подчас жило более десяти тысяч человек.

Жизнь в тех поселениях настолько отличалась от всего известного нам, что любое её описание покажется фантазией, даже фэнтези. И тем не менее это реально

---

¹ Некоторые археологи полагают, что это были авары на своём пути в подаренную им императором ромеев, т. е. императором Византии, Паннонию, современную Венгрию. — *Примеч. историка.*

² В середине 90-х годов XX века исследователи из США У. Райан и У. Питман реконструировали отнесённый ими к середине VI тыс. до н. э. так называемый Черноморский потоп. В настоящее время большинство учёных полагает, что имело место постепенное, не носившее катастрофического характера заполнение Чёрного моря вследствие таяния ледников. При этом дата этого события отодвинута вглубь на несколько тысячелетий. Эпоха городов древних земледельцев в Европе началась в пятом тысячелетии до н. э. — *Примеч. историка.*

существовавший мир, который населяли настоящие люди, обуреваемые, в общем-то, теми же страстями, что и мы.

Эта цивилизация просуществовала почти три тысячелетия и исчезла из-за нового изменения климата. Когда её люди прожили примерно половину отведённого им срока, возник первый шумерский город-государство. А когда жизнь на тех землях уже катилась к закату, первый фараон заложил основы Древнего Египта.

Мы не знаем, как эти древние люди называли себя сами, поэтому вынуждены называть и их и всё, чем они жили, нашим собственным словом — «Трипóлье», по имени маленького села, возле которого было обнаружено поселение этого народа.

С точки зрения трипóльцев будущие окрестности Володимира, скорее всего, считались малопригодными для житья — холодно, густой лес, маленькие луга, далеко от цивилизованного мира. И всё же погоня за драгоценной медью и высококачественным кремнём заставила их прийти сюда. Может быть, даже построить небольшой временный посёлок.

Именно в этом посёлке и рассказал однажды поздним вечером историю о пожаре Саниры гревшийся у пылающего очага старый торговец. Купца звали так же, как и героя его повествования, и слушатели снова и снова спрашивали, не о себе ли он говорит, но странник каждый раз лишь улыбался в ответ.

Весна 3512 г. до н. э.

ДЕНЬ ПЕРВЫЙ

1.

Дом Ленари

Через веки Саниры дома Ленари пробилось какое-то дрожание. Юноша приоткрыл глаза и некоторое время глядел прямо перед собой, ничего не понимая. Багровые отсветы плясали на ярко-красных стенах комнаты, и казалось, что дом загадочно сияет собственным светом.

Потом Санира не столько осознал, сколько почувствовал что-то неладное, и его будто подбросило на подстилке. Он кинулся к единственному окну и отшвырнул в сторону заслонку. Та ударилась об алтарь, опрокинув жертвенный сосуд, и откатилась к скамье, на которой кто-то спал.

В сонное безмолвие комнаты ворвались крики людей, лай собак и громкий ровный гул гигантского столба огня, падающего снизу вверх, в небо.

Через маленькое отверстие круглого окна, конечно, не было видно соседских строений справа и слева, но по отсветам на земле было понятно, что те горят. Санира, однако, не смотрел на отсветы. Противоположная сторона улицы, внешний овал домов, превратилась в сплошную стену огня. Жилища тонули в ярком пламени — тоненькие чёрные язычки в буйстве алых лепестков роскошных цветов.

Юноша оторопело смотрел на это невиданное зрелище, пока из двери жилища напротив не выбежала с едва слышными в гуле криками старая Барири. Вслед за ней бросилась по стене хищная лапа огромной трещины. Из дыры забил ввысь столб чёрного дыма.

Откуда-то возник вырвавшийся из пут вол. Ослеплённый огнём, обезумевший от ужаса, он стремительно мчался, не разбирая дороги и не обращая внимания на людей. В одно мгновение его затупленные рога оказались в каком-то шаге от ничего не видящей Барири, едва не задев её. Женщина упала, сбитая с ног волной воздуха, летящей за огромным животным, сразу вскочила, не удержалась и снова повалилась на покрытую тонким налётом горячего пепла землю. Вол отчаянно заревел. Его туша дымилась от жара, на шкуре алыми искрами тлели угольки. В следующий миг он исчез из виду.

И только тут в голове Саниры в первый раз проскользнула мысль, что это, должно быть, пожар, наверное, именно так выглядит пожар.

— Что там такое?! — услышал он за спиной крик Ленари. Бабушка уже знала, что происходит, она почувствовала это сразу, в миг пробуждения, и голос её не спрашивал, а метался по комнате, резкими пощёчинами вырывая из сна людей дома.

Санира с трудом просунул в крошечное окно голову и посмотрел вниз.

К лицу бросились языки пламени. В какой-то момент они, казалось, настигли его, но не смогли дотянуться и замерли, трепеща от бессильной злобы. Руки ощутили жар, исходивший от стены.

Санира отшатнулся, больно стукнувшись затылком о край окна.

— Мама! Мама! — кричала у него за спиной тётка Гарули. — Мы горим!

— Дура! — одновременно с ней кричала бабушка. — Пожар! Хватай детей!

Юноша метнулся к выходу. Споткнулся о старый чиненный-перечиненный верстак для выделки глины, непонятно как удержался на ногах; станок же закачался от удара, накренился и с грохотом повалился на пол. Конечно, прямо на пальцы.

Юноша запрыгал на одной ноге, преодолевая боль.

Тут и там вскакивали тёмные фигуры, разбиваясь на множество чёрных, пляшущих по стенам теней, кидались кто куда, каждый к своему самому дорогому — к ребёнку, застывшему посреди комнаты, к тряпичной кукле, оставленной в углу после игры, к одежде, сваленной на полу. Тени извивались, проходили друг через друга, прыгали то на потолок, то на пол, скользили дальше по бесконечному кольцу стен.

На скамье прямо перед Санирой лежали скомканное тряпье и кусок шкуры для укрывания, но старшей сестры Такипи уже нигде не было видно. Какая быстрая!

Вообще-то, поскольку так же когда-то звали их маму, девушку чаще именовали Такипи-младшая, хотя уже много лет она была единственной Такипи в доме Ленари.

Рядом была дверь, и можно было бы выскочить на портик, но Санира вспомнил о Чивати, младшей сестре. Повернувшись, он столкнулся с бабушкой. Полуодетая Ленари без лишних рассуждений треснула его наотмашь по затылку и исчезла где-то в черноте дома.

Санира схватил ещё не успевшую заплакать сестрёнку на руки и шагнул к выходу.

— Где богиня-Земля? — услышал он крик какой-то из своих тёток. Голос бился о стены, становясь неузнаваемым. — Я не могу найти богиню-Землю!

— Все вон из дома! — кричала бабушка где-то около купола печи.

Санира прыгнул через распахнутую дверь на портик и тут же, едва ощутив под ногой глиняный пол, оказался на лестнице. Попытался удержаться одной рукой за перекладину, другой прижал к себе сестру. Пальцы чиркнули по дереву, зацепиться не сумели, и юноша мгновенно провалился вниз, в черноту ночи. Всё замерло вокруг, будто исчезли и Город, и пожиравшее его пламя. Осталось лишь ощущение лёгкого удивления. Куда подевалась лестница?

Уже в следующее мгновение Санира грохнулся спиной на землю. Замер, скорее ошарашенный, чем напуганный. Тупая боль разлилась по спине, но была она не слишком сильной, гораздо слабее, чем того можно было бы ожидать при падении

со второго этажа. Сырая по весне земля, кое-где ещё покрытая оставшейся с осени травой, была мягкой и упругой.

Юноша глянул на прижатую к груди сестру. Пострадать она никак не могла, но это существо и от меньшего визжало во всю глотку.

Чивати, однако, молчала. Зато в Саниру впился вопль бабушки:

— Где мой внук?!

— Я здесь! — вскрикнул он и не узнал собственного голоса. Звук, вырвавшийся изо рта, был высоким, дрожащим, боязливым. Едва взмыв в воздух, он тут же разорвался на части, противные, тоненькие, слабенькие, совсем детские.

— Санира! — с облегчением вскричала Ленари. Но уже в следующее мгновение от радости в её голосе не осталось и следа: — Санира, змеиные потроха! Шкуру спасаешь? Хоть бы Чивати вынес!

— А я и выношу Чивати! — вскипел он. Голос на этот раз оказался грубым, вполне мужским, таким как надо. — Я именно это и делаю!

— Он меня бросил на землю! — тут же раздался капризный голос сестры, и она наконец заревела.

— Ах ты!.. — где-то в вышине, на втором этаже, бабушка выкрикивала что-то резкое, оскорбительное, но Санира её не слушал. Слабость, охватившая его в момент падения, вроде бы прошла, и он, перевалившись на четвереньки, подполз к дому. Нужно было выгнать скотину.

Краем глаза он заметил какую-то неясную фигуру, двигавшуюся посреди улицы, и была она столь неуместной здесь, посреди пожара, что он невольно оглянулся. К центру Города неторопливым обрядовым шагом шла женщина. Она почтительно склонила голову; лица было не разглядеть, однако, судя по церемониальным одеждам, это была старшая жрица, служительница сестёр-богинь. Её волосы покрывал большой кусок полотна — как ни странно, с рисунком змеи. Извивающееся волнами тело гадины было намечено поспешными, даже небрежными движениями уголька. Ткань трепетала на ветру, так, что змея, казалось, стремительно ползёт вперёд.

Женщина, как и положено при вознесении песен, коснулась ладонью макушки, и полотно сдвинулось по её руке, обнажив мощные бугрящиеся мышцы.

Юноша мотнул головой. Чего только не померещится на пожаре!

Женщина продолжала двигаться вперёд. Руку она уже опустила.

Санира решительно отвернулся и навалился на дверь первого этажа. Заскрипела ось на поворотном камне, и изнутри дохнуло запахами множества животных. Юноша всё так же, на четвереньках, перевалился через глиняный порог³ внутрь, в темноту.

Будто только этого ожидая, пламя, пока ещё маленькое, игрушечное, красивое, поползло оранжевым покрывалом по внутренней поверхности стен. В его неверных отсветах возникли клубы чёрного дыма, закручивающиеся под потолком. Через миг

---

³ Да, именно глиняный порог — такие не раз были найдены во время раскопок. — *Примеч. историка.*

багрово-жёлтый шевелящийся свет выскользнул изо всех углов и щелей, ярко осветив комнату.

В самое ухо заревела оказавшаяся рядом коза. Она метнулась куда-то в сторону, прямо по ногам, больно воткнув свои остренькие копытца в голень. И тут же Санира почувствовал удар в спину и внезапный напор чего-то живого и тяжёлого. Раздалось пронзительное блеяние, едва узнаваемое, надрывное. Юношу бесцеремонно и беспощадно отшвырнули обратно к порогу. Нечто вскочило на Саниру, придавило копытцами к земляному полу, чтобы тут же с неожиданной силой оттолкнуться от его тела и взвиться в спасительное пространство за дверь, в живительный воздух ночи.

Животные прыгали вокруг Саниры, на него, с него, не церемонясь и не боясь причинить боль. Лишь верный Рарара остался подле, повизгивал, беспокойно метался. Пёс то принимался вилять пушистым хвостом, то опускал его в тщетной угрозе багровым языкам пламени.

Повезло Рараре. Теперь его уж точно не принесут в жертву богиням...

Едва Санира выбрался наружу, как наткнулся на Такипи-младшую.

— А она?! — жало обиды пронзило всё его нутро, заполнив звенящей пустой дрожью грудь. — А она почему никого не выносит?! Шкуру, значит, не спасает?!

Но ему никто не ответил. Даже Такипи.

Санира повернулся к Чивати и стал стряхивать с её одежды грязь.

Девочка продолжала рыдать, отталкивая его от себя с внезапной для такого маленького ребёнка силой. Саниру вмиг охватило раздражение. Он же её спас! А она визжит! Юноша с трудом поборол в себе желание хлестнуть ревущую Чивати по лицу, показав ей наконец, что его терпение тоже имеет пределы.

— Сестрёнка! — закричала Такипи-младшая, выхватывая у него девочку. — Какое счастье!

— «Сестрёнка»! — передразнил её Санира. — Чем «сестрёнкать», лучше бы вынесла её из огня!

Снаружи дом выглядел ужасно. Клубы густого дыма ползли по нему, то прижимаясь, то отскакивая. Изнутри их подсвечивали яркие языки пламени. На втором этаже их было ещё мало, но вот двухскатная крыша уже занялась, и видно было, что она долго не выстоит.

— Сёстры-богини! Это ваш верный Санира дома Ленари, всегда приносящий вам жертвы... — забормотал юноша. Коснувшись ладонью макушки, он в два безумных прыжка, каждый раз через несколько перекладин лестницы, взлетел на портик второго этажа.

В доме царил всё тот же хаос. Над головами мечущихся людей тут и там извивались змеи открытого пламени. Горячим, полным дыма воздухом было трудно дышать.

Санира кинулся в дальний конец комнаты, к жертвеннику. Почти немедленно тяжёлая ладонь бабушки отбросила его обратно к двери.

— Куда? — кричала Ленари. — Вон отсюда! Прочь!

На них налетела Жетиси, тётка Саниры, рано овдовевшая и теперь ставшая мачехой ему с сёстрами. Она мчалась, не разбирая дороги, и юноша на мгновение получил свободу. В два прыжка он достиг своей цели и упал на колени. Хлопнул

руками под лавкой у самой стены, опёрся о горячий глиняный пол и нащупал заплечный мешочек со своими кремнёвыми поделками.

И тут дом издал звук, новый, не такой, как до сих пор, что-то вроде щелчка, короткого и тихого. Его едва ли можно было расслышать во всеобщем шуме, но он пронёсся страшной, пугающей дрожью по ногам и рукам. Сердце гулко застучало. Что-то противное сжалось в животе.

В необъяснимом страхе Санира оглянулся. Внутри, освещённая пламенем пожара, оставалась только Ленари. Она застыла, глядя на внука, не шевелясь, не произнося ни слова.

Звук повторился, столь же тихий, едва слышный, пробирающий до самого нутра.

Санира вскочил. В стремительном броске, едва касаясь ногами пола, он метнулся к бабушке, обхватил её и прыгнул к двери.

Позади что-то с оглушительным хлопком треснуло. Перекрытия чердака с грохотом рухнули вниз, в нескольких местах пробили пол, и тот в мгновение ока весь покрылся сетью широких трещин, из которых забили густые струи дыма.

Волна жара с силой толкнула Санира и Ленари в спину.

Весь дом зашатался. Внутри обрушился огненный дождь пылающего очерета⁴, заливая слепящим алым светом всю комнату.

На алтарь с глухим стуком вывалились куски охваченных пламенем деревянных плах. В стене рядом с окном во всю высоту комнаты, от пола до потолка, образовалось отверстие. Через него можно было бы увидеть звёздную ночь, если бы не заслон из сплошного огня.

Санира, не чувствуя тяжести Ленари, вновь взвился в воздух. И тут же глиняный пол под ним рухнул, на лету разваливаясь на куски. Проглянула чёрная, казавшаяся бездонной яма первого этажа. Будто в страшном сне, юноша увидел, что они с бабушкой остались в пустоте, между медленно падающим на них, охваченным огнём потолком и землёй далеко внизу. Дальняя стена издала пронзительный свист и столь же медленно обрушилась внутрь.

В то же мгновение Санира и Ленари, пролетев через дверь, упали на портик. Руки юноши не смогли удержать бабушку, и та покатила вперёд, к лестнице.

Весь дом снова задрожал, и горящие стены все разом стали крениться друг к другу. То, что осталось от крыши — толстое одеяло сплошного пламени, больше ничем не поддерживаемое, — устремилось вниз.

Санира, сам не понимая как, рванулся всем телом к кромке помоста, наткнулся на бабушку и вместе с ней перевалился через край. Ни в тот миг, ни после юноша не верил, что у него могло хватить на это сил.

Площадка вдруг резко задралась вверх, и весь портик заскользил внутрь пылающего дома, в самое пекло.

---

⁴ Травянистое болотное растение рода Тростниковых. Из-за сходства мест обитания и строения стебля очерет часто путают с камышом.

Ленари и Санира упали на землю, едва не придавив отца юноши, Мадару, пытавшегося их поймать. Столкновение с мужчиной смягчило удар, и все трое покатались по грязи.

Стены второго этажа наконец сложились внутрь. Раздался оглушающий треск, в небо взмыл столб пламени, во все стороны брызнули снопы искр, и плотная волна нестерпимого жара обдала метавшихся вокруг людей.

2.

Дом Ленари

Город горел всю ночь. Под утро насытившийся змей пожара опал, прячась среди пустых остовов домов и зарываясь в золу. Он ещё дышал потемневшими язычками огня в глубинах сгоревших жилищ, ещё выпускал своей горячей чешуёй струи дыма, но тело его, гудящее столбами огня, уже уползло в дали прошлого.

Богиня-Небо закрыла жёлтый глаз и отвернула тёмное лицо, именуемое людьми «Ночь». Её светлое, голубое лицо ещё не полностью обратилось к опустошённому холму, но краешек дневного глаза уже выглядывал из-за богини-Земли. Брови туч угрюмо хмурились, затмевая своим одеялом алую кайму меж двумя ликами небесной богини.

Непонимание пронизывало собой весь людской мир, и лишь растерянность — одно из его воплощений — отражалась в себе, как пустое отражается в пустом, тень — в тени. Взрыв кипучей деятельности, когда никто не говорил — все кричали, никто не ходил — все бегали, ничего не тащили — всё швыряли, — миновал. На смену ему пришли опустошённость и бессилие. Не хотелось ни разговаривать, ни двигаться.

Санира тоже ощущал свою беспомощность перед случившимся. Вся его одежда, кое-где в подпалинах, пропахла дымом. Голова раскалывалась от тяжёлой боли. Санира то подолгу замирал на одном месте, то бесцельно шатался по пепелищу. Юноша невидящим взглядом смотрел на последние язычки огня, на то, как прогоревшая зола, вторя порывам ветра, подёргивается белым поверх алого.

В очередной раз Санира перебрался через обугленные брёвна, в очередной раз нырнул в колодезь чёрной тени меж кучами спёкшейся глины. Тут и там виднелись почерневшие стебли рогоза — наиболее старые, уже начавшие гнить, не прогорели. Обильная зола от очеретяной крыши была повсюду, но даже её толстое одеяло не могло скрыть знакомые формы того, что некогда было домашним очагом.

Границы между домами стёрлись. Ещё вчера плотно прижатые друг к другу, будто образующие единую, сплошную стену, теперь они перемешались —

обгоревшими остатками несущих столбов, растрескавшимися колодами оснований, обуглившимся колотым деревом стен, рухнувшими перекрытиями⁵.

Санира миновал приготовленные на сегодня связки хвороста — целую гору, выше его роста. Расстояние и дувший в другую сторону ветер сохранили их в целостности и сохранности. Это ж надо! Дом сгорел, а топливо для его сожжения осталось...

Юноша зашёл под навес над зерновой ямой. Она была пуста, потому не накрыта. На её краю лежало несколько уцелевших керамических мисок, но Санире не хотелось их подбирать. Он отвернулся и ушёл.

Одно из брёвен того, что некогда было перекрытием между первым и вторым этажами, торчало из завала вверх наискосок. Санира, даже не спросив себя, зачем он это делает, не усомнившись в крепости прогоревшего бруса, не обращая внимания на треск бревна, пошёл по обугленной поверхности. Он ощущал тепло, даже жар под босыми заледеневшими ногами, и это было приятно.

Не сделав и нескольких шагов, юноша замер. Осмотрелся, не понимая, что его остановило, что заставило сердце сжаться в трепыхающийся комочек. Снова оглянулся...

Вокруг дымились множество множеств остатков домов — чёрных пятен, сливавшихся в овалы того, что некогда было улицами. Санире окружали гигантские, в небо, сизые столбы, целый лес столбов спереди и сзади, по одну руку и по другую, со всех сторон.

Но даже не это казалось самым страшным. Нет. Гораздо страшнее была пустота...

Всё, что обычно задерживало взгляд, не давало заглянуть вдаль, за дома соседей, исчезло. Совсем...

Всю свою жизнь Санира видел в Городе вокруг себя только стены. Куда ни глянь, всегда его окружали жилища. Они загораживали от него весь мир, они и представляли собой мир. Теперь их не было! Ни одного!

Обнажилась вся земля до самого своего края — все холмы, поля, Лес, Река, а в другую сторону — центральная площадь, а за ней — опять холмы, поля и Лес, и одного взгляда было достаточно, чтобы увидеть это всё разом...

Гигантская пустота навалилась на юношу. Необычайно светлая пустота размером со всю землю...

Санира почувствовал, как по его телу пробежал озноб.

Сгорело всё! Всё! Дотла!

Вместо Города, вместо множества множеств домов, ещё вчера тянувшихся и тянувшихся спереди, сзади, справа, слева, вместо огромного и сложного целого — родного очага — была лишь пустыня!

И целый лес сизых дымовых столбов...

---

⁵ Почти такую же картину видят археологи во время раскопок, с той разницей, что на пепелище остаются только обожжённые глиняные остатки перекрытий (изредка — стен) с отпечатками деревянных конструкций, а также те детали интерьера, которые были изготовлены из глины. — *Примеч. историка.*

Тоска, невесть откуда взявшаяся, пробившаяся через бесчувственность, резкой волной поднялась внутри, сжала сердце...

— Сёстры-богини, это я, Санира дома Ленари, всегда приносящий вам жертвы... — губы сами зашевелились, руки сами прикоснулись к макушке, и юноша погрузился в искреннюю — пожалуй, одну из самых искренних за всю свою жизнь — песню.

— Немыслимо... — услышал он чей-то голос.

Всё ещё в плену чувств, Санира опустил взгляд. У его ног стоял старый Тотара дома Зунати, чёрный дрозд в ветвях времени.

— Как же так?! — тихо произнёс юноша, не в силах оторвать взгляда от открывшейся перед ним картины. — Как же так!

Старик молчал.

Вдали слышались приглушённые звуки песнопений и музыки. Жрицы проводили обряд, стараясь заученными словами и ритуальными жестами заглушить свой ужас.

Тотара вздохнул и мягко, будто прося прощения, произнёс:

— Трудно пережить подобное. Даже когда это предание города сёстрам-богиням, всё равно наворачиваются слёзы, и сердце будто разрывается на части. Все понимают, что это неизбежно, но всё же... Я слышал, люди даже умирают от горя. А пожар...

Чёрная ворона опустилась перед Санирой. Совершенно не боясь, она важно зашагала по бревну, что-то выискивая в саже.

— Воронья развелось... — сказал старик. Потом добавил: — Вообще, всё идёт как-то не так. Зимы всё холоднее. Урожая всё меньше. Люди болеют чаще. Теперь вот и Город сгорел...

Санира вновь коснулся обеими руками своей макушки, на этот раз чтобы отогнать переносимое воронами дыхание зловещей богини птиц. Мысли, однако, были заняты другим, и пришлось повторить жест.

Звуки музыки усилились. Из-за изгиба холма появились три женщины в церемониальных накидках. Они просили богинь сгоревших домов не гневаться. Пели жрицы на языке древних времён, и слова часто были непонятны. Горожане, до того безучастно сидевшие во дворах, стали медленно подтягиваться к улице.

Залаяли собаки. Они тоже были напуганы случившимся, и священная процессия дала им повод выразить своё смутение. С каким надрывом они бы воззвали к богиням, если бы могли осознать, что сегодня днём большинство из них было бы принесено в жертву! Удивительно: пожар уничтожил Город, но спас собак...

— Детей всё меньше, — Тотара тоже глядел в сторону жриц и уходил не торопился. — Раньше в каждом доме бегало с тринадцать раз. Теперь, бывает, ни одного.

Юноша спрыгнул на землю, не глядя, не примеряясь, не обращая внимания на то, что прыгает с высоты больше своего роста. Мягко приземлился, легко выпрямился. Посмотрел на Тотару:

— Что с нами будет? Чем мы так прогневали сестёр-богинь? Что они с нами делают?

Сосед пожал плечами. Потом вздохнул:

— Не знаю... — Хлопнул Санiru по плечу и невесело улыбнулся. — Знаешь, за свою жизнь я много раз думал, что случилось непоправимое, что жизнь закончилась, что дальнейшее существование невозможно... — он посмотрел на юношу и покачал головой. — Потом каждый раз всё налаживалось.

Санира хмыкнул. Как может наладиться, когда сами сёстры-богини ополчились против людей!

Тотара пожал плечами, заковылял к своему дому. Обернулся и добавил:

— Ты подумай вот о чём. Может, легче станет. Сегодня в полдень мы бы всё равно Город сожгли...

3.

Дом Ленари

Над всё ещё существующим порогом уже несуществующего дома стояла на коленях Ленари. Она тихо пела, обращаясь к глиняной фигурке богини-Земли. Бабушка просила высшее существо о милости и благосклонности, но мысли старухи разлетались по оврагам неуверенности. Никто не знал, что теперь произойдёт с жителями Города, и страх мешал, сковывал, застилал глаза.

Неподалёку Санира и мужчина одной из его тёток, Донира, сооружали временную ограду для домашней живности. Дело было предельно простым — вколотить в землю не сгоревшие до конца жерди, колья, деревянные. Неровная, некрасивая стена загона уже образовала почти полный круг. Позволят ли богини людям жить дальше или уничтожат уже в следующий миг, но скотину лучше было загнать за огорожу. И побыстрее — животные так и норовили разбрестись по улице.

Чуть поодаль сидел Мадара, греясь в тепле пожарища и баюкая чернокосую Чивати.

— ...И тогда мудрая Ромуди указала обеим армиям на своего брата, непобедимого Ромуду... — тихо бормотал он, склонившись над дочерью.

Древняя история о славных временах, великих свершениях, сильных и бесстрашных людях и воле богинь, расколовших некогда единый народ на два враждующих лагеря, плавно близилась к концу. Чивати, как сонный птенец, безо всякого интереса слушала песню, которую ей однажды предстояло выучить наизусть.

Санира схватил очередную обуглившуюся палку и стал забивать в землю. От усталости на его лбу, сбоку, ближе к виску, пульсировали две перекрещивающиеся синие жилки, на коже проступала испарина, руки дрожали, но Санира не останавливался — гордость за самостоятельно выполняемое дело прыгала в его груди, не позволяя сдаться.

— Подожди, — сказал Донира, который в этот момент вколачивал в землю какую-то ветку. Видя, что юноша даже ухом не повёл, он повторил громче: — Подожди меня!

Санира раздражённо дёрнул плечами. Он не нуждался в Донире, чтобы сделать такую простую вещь, как забить деревяшку.

— Осторожнее, сломаешь, — вновь повысил голос мужчина.

Санира сделал вид, что не услышал. Только движения его стали быстрее и сильнее.

В этот момент от очередного удара полусгоревшая палка в его руках раскололась. Кусок спёкшейся глины, который Санира использовал вместо молота, пронёсся в воздухе, лишь по благосклонности богини-Земли разминувшись с ногой.

— Ну вот! — крикнул Донира, не скрывая своего раздражения.

Санира распрямылся. Ну почему, почему так всегда! Ведь ясно же, что эта палка раскололась бы в руках у любого! Но она раскололась именно в его руках! И теперь в очередной раз они будут говорить, что были правы, а он...

Ленари бросила на внука сердитый взгляд, но песни своей не прервала.

— Всё по-своему делаешь? — съязвила Такипи-младшая.

Она сидела у лохани с водой и, глядя в отражение, делала себе какую-то замысловатую, вычурную причёску, заодно примеряя спасённые из огня украшения. Занятие довольно необычное для Такипи. Во всяком случае, в последние луны.

Сестра была старше Санеры и считалась засидевшейся без мужчины женщиной. Юноша одно время винил во всём родинку, мерзким бугорком черневшую под её подбородком. Потом понял, что большинство парней всё же считают Такипи красивой. Нет, дело было не в родинке. Просто сестра слишком сильно когда-то влюбилась в Радигу дома Зунати, слишком долго с ним ходила, слишком глубоко потом переживала разрыв. И пропустила те несколько лет, когда девушки обычно связывают свои руки.

Недавно, однако, с Такипи произошла разительная перемена. В неё влюбился один из пришедших в Город торговцев, и она вновь расцвела.

Теперь даже пожар, гнев сестёр-богинь и всеобщее отчаяние не могли испортить ей настроение. Сестра продолжала сиять.

Что, конечно, не давало ей права дразнить Санеру.

— А ты бы помолчала! — огрызнулся он.

Такипи-младшая вскипела и хотела было выкрикнуть что-то резкое, но вмешался Мадара:

— Милостью сестёр-богинь! — прорычал он. Замолчал, переводя хмурый взгляд с сына на дочь. Те отвернулись друг от друга. Мужчина снова склонился к Чивати и, стараясь говорить тихим, спокойным, убаюкивающим голосом, продолжил: — ...И две армии слушали мудрую Ромуди, глядя, как Ромуда чертит на земле длинную линию, теперь границу меж их городами...

Чивати, как потревоженная птичка, вдруг закопошилась на его коленях, свалилась на землю и, вздымая босыми ногами облачка пепла и пыли, подскочила к Санере. Ладонка, маленькая, как крылышко, и жёсткая, как перо, взлетела к его лицу и стала тыкать в подбородок.

— Смотрите! Смотрите! — кричала Чивати.

Санира оторопел. Какая наглость! Его голова произвольно дёрнулась назад.

— Видите? Смотрите! — продолжала прыгать вокруг него младшая сестра, будто пытаясь вспорхнуть.

Все повернули головы в их сторону. Даже Ленари скосила глаза.

А девочка вновь ткнула пальцем в подбородок брата.

Гнев в груди Санеры зашипел и вскинулся к самому горлу. Юноша дёрнулся от обиды, схватил руку сестрёнки за запястье и с силой сжал её. Ещё когда его растопыренная пятерня летела в воздухе, Чивати начала говорить что-то, но её руку вдруг прострелила острая боль, и слова замерли в воздухе. И тут лишь Санера понял, что хотела сказать сестра:

— У него борода!

Копоть и пепел, обильно украшавшие его лицо, отделили незаметные до сих пор реденькие волоски.

У него борода! Борода! Наконец-то! После столь долгого ожидания!

Юноша разжал кулак, но было поздно. Лицо Чивати перекопилось, рот широко открылся, глаза увлажнились, и пол-Города услышало её крик.

— Да тихо ты! — зашипел на неё Санера.

Девочка отскочила назад, продолжая вопить.

Юноша был готов провалиться на месте. Неуклюжий, неловкий стыд, огромный и тяжёлый, переваливаясь, заворочался внутри, будто пытаясь прижать к земле. Гнев ещё жил здесь, но силы его были уже не те. И зачем только нужно было причинять Чивати боль!

Бабушка, всклокоченная и сердитая, как злая ворона, одним точным движением разбила о порог сгоревшего дома фигурку богини-Земли⁶, выпуская песнь на свободу.

— Ты что же делаешь?! — закричала она, брызгая слюной в лицо, толкнула Санеру в грудь и, повернувшись к нему спиной, склонилась над плачущей девочкой.

Чивати продолжала вопить.

— Паршивец! — бросила в лицо Санеры мачеха, ещё одна злая ворона, и в свою очередь присела около девочки.

— Какой ты всё-таки... — прошипела Такипи, но от своей лохани не отошла.

— Вот ещё! — крикнул юноша. Он боролся со стыдом, тот был тяжёлым и неподъёмным, но и уступать было нельзя. — Будет лезть — будет получать!

Вокруг уже толпились тётки и двоюродные сёстры, копошились, что-то бормотали, толкались. Совершенно не обращая на самого Санеру внимания. А ведь у него борода!

Подошёл Мадара. Он поглядел на стайку женщин, хлопнул сына по плечу и стал рядом, всем своим видом показывая, что его не касаются ни рыдания малолетней дочурки, ни волоски, пробившиеся на подбородке юноши. Мужчина был весь измазан сажей, его чёрная с проседью борода и нос крючком смотрелись ещё более устрашающе, чем обычно.

---

⁶ Во время раскопок большинство статуэток находят расколотыми. Предполагают, что трипольцы во время магических обрядов специально разбивали фигурки. Факты разрушения изображений божеств, людей и животных известны также по этнографическим данным. — *Примеч. историка.*

— Как раз вовремя, чтобы пройти обряд вместе с остальными, — сказал Мадара негромко, но Санира, несмотря на весь шум и гам, почему-то отлично его услышал. — Ещё немного, и пришлось бы ждать, пока малышня подрастёт! — Мужчина покачал головой и задумчиво почесал бороду. — Это ж сколько лет прошло с твоего рождения? Тринадцать и два? И три? Тринадцать и четыре?

Мадара наморщил лоб, стараясь сосчитать. Санира тоже не знал и лишь пожал плечами.

Крик Чивати ударил по ушам с новой силой. Видно, женщины сказали малолетней мучительнице нечто, что та восприняла как неодобрение.

— Совсем мало времени, чтобы заучить все эти маловразумительные песни, — продолжал Мадара. — Смотри, можешь не успеть.

— Успею, — буркнул Санира. — Я все песни и так знаю.

И тут болезненное воспоминание вспухло в груди, мгновенно отбросив юношу назад, в пучину растерянности и тоски. Город сгорел. Сёстры-богини мстят людям. Будет ли обряд? Будет ли завтрашний день? Будет ли жизнь?

Санира бросил неуверенный взгляд на отца.

— Потренируйся в стрельбе из лука, — сказал тот, по-своему истолковав сомнения юноши, и заковылял к остаткам сгоревшего дома.

От стайки женщин, копошащихся вокруг орущей Чивати, отделилась Ленари. Она подошла к внуку и обняла его.

— Совсем взрослый! — пробормотала мягко. Что-то мокрое скользнуло по щеке Саниры. Бабушка плакала, глядя жёсткими ладонями его чёрные как сажа волосы.

— Да что же это такое! — вскипел юноша. — Чего здесь рыдать!

Он вырвался из объятий. Суевливое раздражение и шипящая злость прыгали в нём, сотрясая всё естество.

— Дайте мне спокойно жить! — прокричал Санира, подхватил с земли заплечный мешочек и бросился прочь.

По пути ему попала коза, он поддал её ногой. Та отбежала в сторону и остановилась, глядя ему вслед с почти человеческой обидой.

Санира мчался, не разбирая дороги.

Борода! Он взрослый! Даже по их понятиям теперь взрослый! Ромуда в его возрасте уже участвовал в Первой Великой войне! Хафата помогал Бибиби основывать новый город, Город Сестёр-Богинь, самый большой на земле! Чидара на следующее лето после обряда нашёл свой первый медный самородок!

На улице юноша попал ногой в развод засохшей грязи. Тело его дёрнулось, пытаясь сохранить равновесие, но было поздно. Санира нелепо взмахнул руками и повалился на землю.

Ещё и опозорился! Юноша вскочил, как жаворонок, приметивший змею, и стрельнул глазами по сторонам, проверяя, не смеётся ли кто. Никто не смеялся. В общем-то, никто и не смотрел. Покрытые копотью лица соседей оставались безучастными.

— Ну, всё, довёл уже, иди назад! — сказала Мизази дома Барири. Она весело помахала рукой какой-то женщине, сидевшей у ямы с дёгтем.

— Куда ты так торопишься? — недовольно спросил Санира.

Девушка остановилась и, повернувшись вполоборота, выжидательно посмотрела на него. Лучи солнца осветили её мягким утренним светом, заиграли в иссиня-чёрных волосах, побежали по тонким скулам и носу с лёгкой горбинкой. Живые, яркие, искрящиеся глаза сверкнули огнём. Один из них был устремлён точно на Саниру. Второй смотрел чуть-чуть в сторону. Странное дело, эта неправильность казалась юноше невероятно милой.

— Не уходи! — попросил он.

Они стояли в квартале стражников — цитадели, в самом центре Города. Здесь все последние дни варили дёготь для общественных нужд. У каждого дома, конечно, были свои запасы, но в этой общественной яме можно было набрать ведро-другое просто так, даром, безо всякого труда, без необходимости отдавать что-либо взамен.

Дёгтем обмазывали стены, чтобы те лучше горели. С ночи, когда богиня-Небо не открыла свой ночной глаз, и до вчерашнего вечера весь Город занимался только тем, что готовился к сожжению⁷. Всё мало-мальски ценное было погружено на сани; остатки урожая ссыпаны на нарочно изготовленные для этого волокуши; волов и коров увели на центральную площадь. Жители старательно обкладывали свои дома хворостом, пробивали для лучшей тяги дыры в стенах, расстилали повсюду обильные пучки просушенного очерета, заполняли комнаты дровами — обильно, под потолок.

Сегодня на заре предполагалось погрузить в сани последние вещи, расставить в комнатах церемониальные предметы, сбить в гурты скот и идти в праздничных одеждах на центральную площадь. В полдень под песнь жертвоания сёстрам-богиням жрицы должны были поджечь Город.

Новое место для жизни было выбрано во множестве дней пути отсюда на полдень. Там земля была нерыхлёная, холм большой, луга просторные, лес дремучий, озеро полно рыбы, чуть ли не во всю даль. О том месте говорили много, всякий раз восторгаясь без меры и строя безудержные, радужные планы...

Сейчас дёгтя в яме почти не осталось, только на стенах чуть-чуть, но Мизази больше и нужно не было.

— Ты же уже дошла! — говорил Санира. — Куда теперь спешить? Постоим, поговорим!

---

⁷ Обычай ритуально предавать дома огню зародился ещё в VIII—VII тыс. до н. э. у первых земледельцев Плодородного Полумесяца (регион на Ближнем Востоке), в том числе в Анатолии. Оттуда, как полагают археологи, вместе с навыками земледелия этот ритуал попал в Европу. Трипольские племена были одними из наиболее последовательных приверженцев этого обычая и практиковали ритуальное сожжение поселений и домов вплоть до второй половины IV тыс. до н. э. — *Примеч. историка.*

— Ага, — буркнула девушка, — будто у меня дел нет!

И всё же осталась на месте. С озорными искорками в глазах взглянула на Саниру. Потом прикоснулась пальцем к его подбородку.

— Я за тебя так рада! — сказала она. Помолчала и уже другим тоном спросила: — Ты же не уйдёшь в другой город?

— Не знаю, — ответил Санира. Он о таких вещах не думал.

Мизази улыбку и снова провела пальцем по его подбородку.

— Ты пересчитал? Тринадцать волосков?

Юноша кивнул: конечно!

— В прошлый раз на мужском обряде всех кололи костяными иглами, — сказала девушка. — Насквозь пробивали руку и смотрели, не закричишь ли. — И она показала пальцем, как игла насквозь проходит через предплечье.

— Да пусть хоть топорами рубят! — сказал Санира с деланным равнодушием.

— Всё равно обряд всегда для всех заканчивается одинаково — выходишь из Леса уже полноправным, взрослым горожанином!

— Да? А жизнь среди диких зверей тебя не пугает? А тринадцать дней без нормальной еды? Корешки с листьями жевать, как лесные!

Санира скорчил гримасу: ничего, мол, не боюсь!

— И откуда ты столько всего о мужском обряде знаешь? — спросил он.

Взгляд Мизази блеснул.

— Радига рассказал.

Санира напрягся. Радигу дома Зунати он, мягко говоря, не любил.

Есть возраст в жизни мальчишек, когда разница в два лета значит невообразимо много — превосходство в росте, весе, силе. Огромное превосходство в силе. Радига пользовался своим преимуществом безо всякой оглядки. Тумаки, подзатыльники, подножки, удары исподтишка и в открытую, обидные шуточки, откровенные оскорбления — всё это лилось на Саниру и его друга Нимату дома Наистарейшей мощным ливнем. С тех пор прошло несколько лет. Силы полностью ещё не сравнялись, но разница перестала быть столь ощутимой. Забыть о старых обидах, однако, не позволила история с сестрой, которую Радига перестал замечать после двух лет совместных прогулок...

И вот теперь он мешал уже общению с девушками самого Саниры!

— Ты чего? — весело спросила Мизази. То, что она увидела на лице юноши, её рассмешило. — Мы же с ним рядом живём! Дома стык в стык. Конечно, я с ним разговариваю. Причём каждый день!

Санира пожал плечами. «Да мне всё равно! Хоть целый день болтайте!»

— Ну, не сердись! — девушка хлопнула его ладошкой по груди. И добавила, смеясь: — Знаешь, сегодня на рассвете Зунати бегала за Радигой с плетью в руках.

— С плетью? — изумился Санира. — Его собственная мать?

— Он во время пожара где-то шляется и не подумал разбудить своих. Вернулся под утро чистенький, без пятнышка сажи. Зунати, естественно, расшвырнула.

— И где он был?

— Говорит, всю ночь пролежал на улице без сознания. Однако от матери бегал резво, как бельчонок.

Санира улыбнулся, представив себе это зрелище. Улыбнулась и Мизази, глаза её снова заискрились огнём.

— Мы едва спаслись от пожара, — медленно проговорил юноша, зачарованный этим сверканием. — Представляешь, все спали, пока не занялась крыша. Я проснулся первым и поднял тревогу. А потом, когда уже рушился дом, в самый последний момент вытащил из огня бабушку.

Он взглянул на Мизази, но та равнодушно смотрела в сторону. Понятно, думает, что это обычное его хвастовство.

— Если бы не я, все могли бы сгореть! — ещё раз с натиском сказал Санира и невольно выпятил грудь. — Я всех разбудил!

— Вокруг стоял дикий шум, сами бы проснулись! — дёрнула плечиком Мизази. — Да и что за сон накануне Великого Обряда?! — Тут в её глазах проскочила очередная искорка, и Санира понял, что девушка просто его дразнит.

Мизази подняла руки, чтобы поправить вплетённые в волосы две соединённые керамические трубки — спаренные чаши без дна, символ взрослости, знак поклонения сёстрам-богиням — дарящей свет богине-Небо и дарящей жизнь богине-Земле. Тонкое тело девушки вытянулось, и сердце Санеры ёкнуло. Он быстро прижался к ней, потянулся к щеке губами...

— С ума сошёл! — возмущённо крикнула Мизази, отскакивая. Смерила Санира сердитым взглядом. — Дикарь!

Она быстро оглянулась, проверяя, не видел ли кто. Конечно, женщина, сидевшая у ямы с дёгтем, не скрываясь смотрела прямо на них.

Девушка, не давая Санире опомниться, не ожидая оправданий, решительно зашагала прямо к ней.

— Мизази! — крикнул Санира.

Чернявка оглянулась, и их глаза встретились. Девушка тут же недовольно поджала губы и отвернулась.

Незадачливый ухажёр вздохнул. Ему хотелось пойти за Мизази, снова увидеть искорки в её глазах, услышать насмешливый голос. Он даже сделал несколько шагов к яме с дёгтем, но остановился. Девушка уже болтала с сидевшей там женщиной.

Нужно возвращаться домой. Раздражение и обида на родных давно утихли, где-то глубоко в груди Санира был даже согласен, что виноват, но выслушивать насмешки домочадцев...

Он вздохнул.

Да и высечь его могли запросто...

Санира бросил ещё один взгляд на Мизази и поплёлся домой.

Длинной дорогой.

Осколок кремня был весь в рытвинках и бороздках, и его, конечно, выкинули за ненадобностью, не заметив, как красиво переходят в нём друг в друга оттенки зелёного и коричневого.

Камень бросился Санире в глаза, когда он шёл мимо обугленных колод дома Шунучи. Едва прикоснувшись к осколку, юноша сразу почувствовал, какой удивительной дугой идут там, внутри, жилы. Воображение встрепенулось, расправило крылья и выдохнуло образ браслета, изящного, будто сплетённого из множества нитей, переливающегося, светящегося. Санира увидел это украшение на тонком девичьем запястье, к запястью тут же дорисовалось лицо Мизази, довольно скоро, впрочем, сменившееся лицом ещё одной девушки, Корики. Пока красавицы боролись друг с дружкой за право обладать браслетом, Санира уже окунулся в мысли о той благодарности, которой, очевидно, одарит его победительница.

Перебравшись через полусгоревшие брёвна, юноша показал кремень хозяйке жилища.

— Я возьму? — спросил Санира, хотя ясно осознавал, что вопрос был излишним.

Ответом был равнодушный кивок. Женщина сидела на растрескавшемся от жара пороге и перебирала остатки обгоревшей утвари.

Юноша бросил кремень в заплечный мешочек. Там уже постукивали другие камни, в своё время чем-то привлёкшие его внимание. У Санеры были планы на каждый из них, но совершенно не было времени ими заняться.

На самом дне лежал тяжёлый округлый кремень, похожий формой на ночной глаз богини-Небо. Юноша отполировал его, сделав совершенно гладким, а для красоты провёл по поверхности завитком бороздку — от одной верхушки к другой. Санира и сам не знал, зачем он сделал эту бесполезную вещь. Камень было так приятно сжимать в кулаке, катать по ноге, подбрасывать на ладони. А если раскрутить, казалось, что бороздка бежит сверху вниз...

— Хочешь, возьми ещё этот осколок, — сказала молодая женщина, сидевшая здесь же и качавшая на коленях младенца.

Юноша перевёл на неё взгляд и замялся. Накануне она наговорила немало обидного и оскорбительного Нимате, другу Санеры, но сейчас улыбалась без тени смущения. Либо вчера не заметила топтавшегося позади Санире, либо не придавала случившемуся никакого значения.

Нимата любил Лакути дома Фебути. Увы, безответно. Это, однако, не мешало ему постоянно маячить перед её глазами, заговаривать, приставать. Вчера терпение девушки окончательно лопнуло, было много ругани, гнева, неприятных слов. К перепалке немедленно присоединилась вот эта молодая женщина с младенцем, дальняя родственница Лакути.

— Мне зимой подарили твой нож. До сих пор острый. Покажешь потом, что получилось из этого камня, ладно?

От похвалы лицо Саниры покрылось испариной. Юноша понял, что краснеет, и быстро склонился над кремнём.

Тот был совершенно никчёмным. Ни внутреннего света, ни красивых цветов, ни оформившегося ядра. Совсем маленький — с палец.

Санира повертел камень в руке, хотел было уже отказаться, но вдруг понял, что этот кремнь, если стукнуть по нему здесь и здесь, легко расщелкнется на тонкие пластины. Получится... Нет, нож не получится, слишком тонкими и маленькими окажутся пластины. Но будут острыми. Получится... Юноша не знал, как назвать то, что получится, но камень полетел в заплечный мешочек.

— Милостью сестёр-богинь! — поблагодарил Санира.

Молодая женщина вновь улыбнулась.

Похоже, со дня её собственного обряда прошло уже три, а то и четыре лета. Она казалась Санире слишком взрослой, почти пожилой. Но что-то в её облике привлекало внимание, делало женщину, несмотря на возраст, красивой. Была она нечёсаная, одета небрежно, даже без двойной чаши в волосах, но оттого выглядела совсем домашней, своей.

Санира поймал себя на том, что смотрит на неё слишком пристально. Потупившись, он поспешно кивнул и направился в сторону центральной площади.

6.

Центральная площадь

На площади, огромном пустом пространстве посреди Города, топтались волы и коровы, окружённые бессчётным количеством саней, гружённых добром горожан. Виднелась фигура стражника, сидевшего на земле прислонившись спиной к одной из волокуш.

У выходящей на площадь цитадели несколько девушек из домов жриц готовились к какому-то обряду. Они уже украсили особую колоду, на которой установят негасимое пламя Города. От этого огня будет зажжено тринадцать костров — по одному на каждую из лун, что сменяют друг друга от урожая до урожая. На земле были очерчены круги, будто вложенные один в другой. В центральный круг после начала обряда сможет войти лишь старшая жрица, ибо там откроется прямой проход в мир богинь. Как раз сейчас выкапывали жертвенную яму и устанавливали столб, к которому будет привязана для заклятия коза. Чуть поодаль ещё одна девушка украшала рога приговорённого животного разноцветными ленточками.

С противоположной стороны площади, у заросшего кустами оврага, было, как всегда, безлюдно.

— Сёстры-богини, это я, Санира дома Ленари, всегда приносящий вам жертвы... — зашептал юноша, коснулся макушки обеими ладонями и медленно пошёл по оставшейся с осени пожухлой траве.

Идти к оврагу пришлось довольно долго, но Санире этот путь всегда нравился. Здесь, на бескрайней пустынной площади, царили тишина и покой. Среди этой безмятежности даже самые тревожные мысли обычно теряли горечь, отступали, блёкли. Сейчас, однако, страх, прочно засевший неприятным узлом где-то в животе, не давал вздохнуть. Сёстры-богини разгневались на людей, уничтожили Город, отвергли величайшую из жертв...

У самого оврага Санира замедлил шаг, прикидывая, как лучше перескочить на другую сторону.

И в этот момент кто-то налетел на него сзади.

Яростный удар сбил юношу с ног, и он, неловко выставив перед собой руки, растянулся на земле, упав лицом вниз, прямо в подсохшую грязь.

Санира даже не испугался. Скорее удивился — откуда здесь скотина? Ощущение было такое же, как тогда, ночью, когда в него со всего маху врезался перепуганный пожаром баран.

Санира попытался вскочить на ноги, но ещё один удар сзади, по голове, чем-то неумолимо твёрдым, сделал всё его тело непослушным и слабым, будто тряпичным. Кто-то тяжёлый — явно мужчина — упал коленями ему на спину. И тут же рывком сорвал с плеча мешочек.

Санира выгнулся, пытаясь лягнуть нападавшего. Колени противника на мгновение вдавились в спину ещё сильнее, по-настоящему больно, и тут же исчезли.

Мелькнула тень.

Санира застонал, дотянулся непослушной рукой до затылка. Под пальцами наливалась огромная шишка.

Хоть крови не было, уже хорошо.

Юноша перевернулся на спину. С трудом сел, опершись на невесть откуда взявшийся толстый сук.

Хорошо, что нападавшему под руку попала эта деревяшка, а не камень...

Далеко впереди, с той стороны оврага, почти у самых пепелищ, уносилась прочь какая-то неясная фигура. В руках у бегущего болтался заплочный мешочек Санире. Одет нападавший был в нечто бесформенное, женское. Голову прикрывало что-то вроде шапки.

Санира мотнул головой, стараясь прогнать охватившую его слабость, застонал от боли, хлестнувшей по голове.

Зрение немного прояснилось, и сразу стало понятно, что убежавший был одет не во что-нибудь, а в церемониальный наряд старшей жрицы. Голову его покрывал тот же, что и ночью, кусок ткани с рисунком змеи. Несмотря на женские одежды, это, несомненно, был мужчина. Зрелая сила сквозила в каждом движении. Широкие плечи едва не разрывали одежды. Да и рост у бежавшего был высокий, мужской.

Юноша бросился было в погоню, но тут же замер, переживая боль, резанувшую изнутри череп.

Нападавший перемахнул через обгоревшую колоду общественного дома и скрылся из виду.

Пересиливая себя, Санира затрусил следом.

На ходу оглянулся. Воин у саней стоял на ногах и смотрел в его сторону. Он всё видел, но на помощь не побежал. Охрана имущества горожан была важнее.

Конечно...

Зато у общественного дома непонятно откуда вдруг появился другой стражник.

— Меня ограбили! — сразу же крикнул юноша. Он хотел добавить, что нападавший должен быть где-то рядом с воином, но затылок опять прострелила боль, и Санира, замычав, ухватился руками за раскалывающийся череп.

— Что случилось? — Стражник бросился к оврагу, на бегу перемахнул через него, подскочил к Санире и сжал голову сильными ладонями.

Это был Гарола, вождь Города. Его длинные чёрные волосы растрепались, одежда сбилась.

Санира смутился. Перед ним стоял самый могущественный из мужчин Города, предводитель всех военных и охотничьих походов, человек, который держится на равных с Наистарейшей. Просто находиться с ним рядом было страшновато. А уж разговаривать...

— У тебя только шишка! — разочарованно протянул Гарола.

Санира хотел бы сказать что-то в своё оправдание, но язык не слушался. Юноша не знал, как себя вести, каждое движение казалось неуклюжим, любое слово — неуместным. На лице проступила испарина. С ним говорит вождь! Вождь! Хотелось исчезнуть, куда-нибудь сбежать.

Гарола уже перепрыгнул овраг обратно и теперь мчался к развалинам.

— Что пропало? — крикнул он на ходу.

— Мой заплечный мешочек! — еле слышно охрипшим голосом ответил ему в спину Санира. Прокашлялся и повторил, на этот раз гораздо громче: — Заплечный мешочек!

— Что там было?

Санира разбежался и, совершенно не веря в свои силы, перепрыгнул через лощину. От удара ног о землю в голову будто вонзилась огненная стрела. В глазах потемнело. Какое-то мгновение казалось, что он сейчас соскользнёт вниз, но этого не произошло.

— Лишь несколько необработанных камней! — крикнул Санира, устремляясь следом за старшим стражником. — Ничего ценного.

Вождь Города хмыкнул.

— Он в женской одежде! — быстро добавил юноша, чтобы не выглядеть совсем уж глупо. — В церемониальном наряде Наистарейшей!

Старший стражник удивлённо оглянулся.

— В чём? — переспросил он.

Санира пришёл в полное замешательство. Было ощущение, что он врёт, сознательно обманывает вождя Города, зачем-то отнимает время у великого человека. С трудом преодолев себя, гораздо менее уверенно, юноша повторил:

— В церемониальном наряде Наистарейшей...

Гарола уже был возле пожарища. Вскочил на одну из колод.

Санира подпрыгнул и оказался рядом. Голову опять резанула боль, но юноша сдержал стон.

Нападавшего, конечно, уже здесь не было. Собственно, пепелище было совершенно пустым.

Юноша неуклюже, боясь трясти головой, слез с колоды на землю.

— Ну и куда он мог побежать? — спросил Гарола, напряжённо осматриваясь.

Санира вздрогнул. Ему показалось, что мужчина требует от него немедленно найти следы лиходея. Внутри всё оборвалось. Юноша не знал, как это сделать...

Вождь спрыгнул вниз, ещё раз оглянулся по сторонам и полез на соседний участок. Прямо через почерневшие от огня брёвна.

Зачем? На них же не было никаких следов!

— Что ты говорил про одежды Наистарейшей?

— Ночью какой-то мужчина ходил в них по улицам, — с трудом преодолевая стеснение, через силу промямлил юноша, — а сейчас...

— Ты сам это видел? — тут же перебил его Гарола. — Во время пожара?

Старший стражник и не думал останавливаться, и Санире пришлось осторожно, чтобы не потревожить пульсирующую голову, лезть за ним через брёвна.

— И кто это был? Тот же человек, что напал на тебя сейчас?

Юноша растерянно пожал плечами. Точнее, хотел пожать плечами, но тело, скованное смущением, не слушалось. Движение получилось едва заметным.

— Ну, хорошо, — буркнул Гарола, бросив на него недовольный взгляд. — А почему ты решил, что и тот человек, и этот были мужчинами?

— Ну... — пролепетал Санира.

Как это объяснить? Мышцы, плечи, рост, размашистый бег?

Стражник остановился, посмотрел на Саниру долгим взглядом.

— Тебе что, плохо? — спросил он безо всякого сочувствия. Юноша неуверенно кивнул.

— Как тебя зовут?

Санире накрыла волна паники. Он не знал, что делать. Под взглядом вождя юноша совершенно терялся.

— Санира... Санира дома Ленари, — с трудом выговорил он.

— Иди домой. Найдёшь меня вечером и всё расскажешь. — И Гарола тут же стремительно зашагал, пересекая соседний участок.

Санира остался стоять на месте. Он ощущал невероятное облегчение. Разговор с вождём закончился. Старший стражник больше не находился рядом!

Было такое чувство, будто юноша выбрался из какой-то серьёзной передраги. Благополучно выбрался!

Санира направился к улице. Кое-как перебрался через колоды, некогда составлявшие основу зданий. При каждом движении в голове усиливалось биение пульса. Юноша неловко залазил на брёвна и, всякий раз издавая невольный стон, неловко спрыгивал.

Но это ничего! Главное, не нужно было больше смотреть в глаза вождю, что-то говорить ему, отвечать на его вопросы, понимая, насколько бестолково звучат ответы.

Оказавшись среди людей, Санира окончательно повеселел. Всё закончилось!

И вот тут только его мысли вернулись к тому, что произошло на площади. Кто-то напал на него, не прошедшего ещё обряд бесправного юнца. Напал на глазах у

стражника. Посреди бела дня. Несмотря на опасность столкнуться с вождём Города. Напал, чтобы... Чтобы что?

Думать было трудно.

В мешочке были необработанные камни — такие валяются под ногами на каждом шагу. Зачем ради этого нападать на человека?

Над юношей ехидно захихикала насмешливая птица сорока.

Или нужно было именно свалить Саниру с ног?

Или всё было затеяно, чтобы набить ему шишку на голове?

Санира, преодолевая слабость и превозмогая головную боль, плёлся домой, и с каждым шагом непонимание в нём росло. И при этом почему-то рос и страх перед гневом сестёр-богинь. За что они уничтожили Город? Что ждёт людей?

7.

Центральная площадь

Сегодняшний совет жриц и наиболее набожных глав домов был далеко не обыденным, от его решений зависела судьба множества множеств людей. Соответственно, он был обставлен как настоящий обряд.

Субеди, Наистарейшая, жрица сестёр-богинь, находилась в самом центре срединного небесного круга, отделённая остававшимся сейчас пустым воздушным кругом от женщин совета, сидевших в круге земном. Далее шёл также никем не занятый круг подземный, служивший границей для простых горожан.

Наистарейшая, полная женщина средних лет, была в церемониальных одеждах своей тётки, после смерти которой она, собственно, и унаследовала право говорить с сёстрами-богинями от имени всего Города. Слишком узкий наряд давил, не позволяя вздохнуть. Да и выглядел он старым и обветшалым, что сильно смущало Субеди. В своё время старшая жрица, конечно, пошила себе собственное церемониальное одеяние, но сегодня по какой-то причине его не надела.

В одной руке Субеди сверкал медный топор, в другой — медный молот, символы её духовной власти над горожанами. Держать металлические орудия было тяжело, и они дрожали в её руках. Наистарейшая иногда, будто в рассеянности, пыталась пристроить их в сгибах локтей.

Слишком большая диадема — а её покойная тётка любила пышные причёски — постоянно норовила свалиться.

Жар тринадцати костров, усиливавший и без того царивший вокруг зной, изводил, бесконечные выступления женщин не давали думать, и Наистарейшая ощущала лишь усталость и безысходность...

А тут ещё драка между главами домов...

Рузени как раз схватила за волосы Фебути и рванула вниз. Её соседка завопила, но противостоять такой боли она, конечно, не могла, и её голова оказалась у самой земли.

— Это из-за тебя пожар начался! — вопила Рузени. — С твоей развалюхи всё пошло! Я видела! Вокруг темно, а она горит! Единственная!

— Да бросьте вы! — закричала, вскакивая, Ханаци. Её сверкающий взгляд остановился на Зунати. — Всё с неё началось! Я на живность вышла посмотреть, во всём квартале ни искорки, а у неё крыша в огне!

Зунати, не дожидаясь нападения, первой ухватила за волосы противницы.

Одна из сидевших рядом женщин хотела разнять дерущихся, но её намерения были неверно истолкованы, и вот уже три пары повалились в пыль.

Толпа заволновалась, слышались подбадривающие крики, кто-то нервно рассмеялся. Несколько человек стали протискиваться вперёд, чтобы помочь своим.

Радига дома Зунати тоже устремился на помощь матери. В сгоревшем Городе, где копоть и сажа покрывали каждого, его ослепительная чистота смотрелась вызывающе. Длинные чёрные волосы были исправно расчёсаны, спаренные чаши вплетены с особым тщанием, одежда прилежно расправлена. На руках болтались кремнёвые и полотняные браслеты, шею украшало нечто замысловатое, сделанное из кости волка. Тетерев на току, да и только!

Санира, разглядев его, усмехнулся, и в голове тут же кольнуло. Рука невольно потянулась к шишке на затылке.

— Прекратите, милостью сестёр-богинь! — устало сказала Субеди. Драка приглашённых на совет женщин, олицетворения мудрости и набожности Города, злила её.

Такие советы, время от времени собиравшиеся для обсуждения вопросов служения богиням, как правило, не вызывали особого интереса у остальных горожан — решения основывались на традициях, а значит, были весьма предсказуемыми. Если дело касалось войны или охоты, вождем Города был Гарола дома Чезази, старший стражник, принимавший все решения единолично. В повседневной же жизни люди основывались на том, что «так поступали наши предки», «так сказано в песнях», «этому учила меня мать», «так велит обычай», и им крайне редко были нужны чьи-либо дополнительные указания.

Сегодня послушать совет пришли почти все. Были едва передвигавшие ноги старухи и совсем ещё маленькие дети. Мелькнуло даже несколько торговцев, хотя их, казалось бы, трудности Города не должны были волновать.

— Остановитесь! — ещё раз крикнула Наистарейшая.

Гарола решительно врос в толпу, выстреливая колючки разгневанного взгляда. Толпа перед ним раздалась. Те, кто начал было продвигаться к месту драки, замерли на месте, поглядывая то на него, то на его суровых подчинённых.

Гарола схватил Рузени за плечо. Та не глядя пнула его по ногам. Старший воин Города, не меняя выражения лица, вытащил из-за пояса сверкающий медный нож и одним решительным движением отсек клок волос, за который она схватилась. Женщина, лишившись опоры, отвалилась в сторону.

— Хватит, — буркнул стражник.

Рузени оглянулась, увидела Гаролу и стала подниматься. В кулаке она всё ещё сжимала отсечённые волосы Фебути. Женщина тяжело дышала, глаза её сверкали, но бросаться на противницу она больше не пыталась.

— Прошу вас! — крикнула Наистарейшая. — Не гневите богинь!

Дравшиеся одна за другой садились на землю, стараясь оказаться друг от друга как можно дальше. Они вытирали пот, отряхивали грязь и приводили в порядок одежду. Торчащие в стороны волосы, как правило седые, делали их похожими на осенние одуванчики.

— Значит, пожар начался, по крайней мере... — Субеди, пытаясь говорить спокойным голосом, стала загибать пальцы, — ...в трёх местах. С домов Шунучи, Зунати и Рузени...

— Да не Рузени! — заорала Рузени, но тут же спохватилась и скосила глаза на Гаролу. — Фебути!

— Наверняка их было больше... — вдруг сказал какой-то мужчина в толпе.

Он, похоже, не рассчитал силы своего голоса и теперь пытался, ошарашенно оглядываясь. Старший воин зарычал и бросился к нему. Мужчина пригнулся, прикрывая голову руками, но Гарола не стал бить его на месте. Схватил за плечо и потащил прочь.

То ли от страха, то ли сознавая, что хуже уже не будет, смутьян взвизгнул:

— Я видел! Я видел огненный дождь! На Город пролился огненный...

Стражник двинул его в живот, и мужчина, закашлявшись, умолк.

Было душно. Предрассветный холод без остатка просочился в сырую землю, ледяную Реку и погружённый в чёрную тень Лес. Его место заняла жара, прорвавшаяся через стоявшие без движения в вышине облака. На всём лице богини-Небо оставался лишь один небольшой, свободный от туч островок, пятно голубого на чёрном. Жаркий взгляд наивысшей в мире силы отвесно падал на холм сквозь это окошко, заливая ярким светом то, что осталось от Города. Тонущий в темноте Лес время от времени начинал шевелить ветвями, пытаясь поднять ветер, но до людей долетало лишь слабое дуновение, не приносящее никакого облегчения.

— Как начался пожар? — Наистарейшая поочерёдно посмотрела в глаза Фебути, Шунучи и Зунати. — Что произошло?

Женщины покачали головами.

— Не знаю, — откликнулась Зунати. Низенькая худая женщина, она умудрилась родить тринадцать и ещё несколько детей. Выжило лишь двое, зато какие! Братья-гиганты, Кивана и Радига!

— Я проснулась от того, что горела крыша... — продолжала она.

Яснее не стало. Так могла сказать любая глава дома в этом Городе.

— Говорите смело! — Наистарейшая постаралась придать своему голосу твёрдость. — Сёстры-богини мне свидетели, никто из вас наказан не будет! Мы собрались, чтобы решить, что делать дальше, и нам просто необходимо знать подробности произошедшего!

— Пылала крыша, — пожала плечами Фебути, — а уже с неё огонь перекинулся на дом.

— Ты уверена? Ведь если кто-то случайно опрокинул светильник, то загореться должны были тряпки на полу или лавках, никак не крыша.

— Какой светильник! — возмутилась Шунучи. — Дом ведь был подготовлен к сожжению! Мы к нему с огнём даже близко боялись подходить! Еду готовили посреди улицы.

Субеди, едва не задев сверкающей медной диадемой один из шестов с черепами волков, откинулась на спинку трона. Она тоже вчера готовила ужин на обочине, подальше от пропитанного дёгтем дома...

Глаза Наистарейшей перебегали от одного лица к другому, пытаясь приподнять завесу мыслей этих женщин. В трёх разных местах светильники одновременно опрокинуться не могли. Три разных человека в одно и то же время вдруг, непонятно зачем, поджечь свои дома — тоже... Значит... Это гнев богинь. Как ни ужасно, это гнев богинь...

— Так что нам делать? — спросила Субеди и сама почувствовала, что в её голосе проскользнула растерянность.

Обычай требовал, чтобы любое поселение было принесено в жертву сёстрам-богиням после смерти последней из женщин-основательниц, тех, что родились в первое лето после его постройки. Нанини, несколько лет оставшаяся единственной живущей основательницей этого Города, умерла ещё в самом начале зимы. Горожане снарядили несколько групп для поисков нового места, а сами начали готовиться к переселению. Жилищ больше не ремонтировали, ничего нового не строили, землю не рыхлили, и, конечно, не сеяли хлеба.

Теперь, после пожара, приносить в жертву сёстрам-богиням стало нечего. Просто нечего. Значит, нужно оставаться на этом месте, восстанавливать Город и жить в нём ещё не менее одного лета. Если бы сгорело всего несколько жилищ, их можно было бы отстроить или заменить керамическими моделями⁸ и тут же в таком виде сжечь. Однако для Города в целом этот путь не годился — ценным для сестёр-богинь были не голые стены и не глиняные поделки, а то, что высшим силам мира горожане отдавали свой родной очаг, кров, под которым жили, дома, которые были им дороги...

Субеди в который раз вздохнула.

Богини отказались от столь великой жертвы, как Город! За полдня до обряда! И не просто отказались, а предпочли его полностью уничтожить. Сколь же сильна должна быть их ярость!

За что? Разве в последнее время горожане делали что-то особенное? Не такое, как лето назад или тринадцать лет назад? Конечно, люди живут в неверии, не помнят о богинях, ведут себя не по заветам предков. Но... Так было всегда! Почему же сёстры разгневались именно сейчас?

---

⁸ В ходе раскопок трипольских поселений найдено несколько десятков сохранившихся целыми керамических моделей построек, а также в большом количестве их фрагментов. По моделям можно судить не только о конструкции строений, но и об интерьерах домов. Большинство деталей, отображённых в моделях, подтверждено находками во время раскопок. Относительно назначения моделей было высказано немало мнений. Возможно, модели использовались во время обрядов, сопровождавших постройку домов, либо были необходимы при отправлении заупокойных культов. — *Примеч. историка.*

— Город должен был сгореть. И сгорел! — с вызовом заговорила Падани, глава дома, владевшего самым большим количеством волов. — Мы знаем, что не можем переселяться. Однако... вспомнили ли жрицы все песни, пусть даже редкие, все обычаи, пусть даже полузабытые, все примеры, пусть даже далёкие?

Субеди от этих неожиданных слов едва не подскочила на своём троне. Жрицы и главы домов возмущённо зашумели.

— Переселяться без Великого Обряда означает порвать с миром людей и миром богинь, — зарычала Цукеги. Эта высокая тощая чужестранка, оказавшаяся много лет назад в Городе в результате дружественного обмена жрицами с соседями, была разъярена и этого не скрывала. — Чтобы это знать, не нужно спрашивать у дряхлых старух, что им в колыбели напевали их бабушки! Мы лишимся жизни ещё при жизни! Мы станем открытыми врагами высших сил мира!

Какая зловещая баба! Как водоросль в омуте.

— Ночной пожар как раз и был принесением Города в жертву! — Падани упрямо сверкнула глазами.

— Великий Обряд проведён не был, — покачала головой Субеди, заставляя себя говорить как можно спокойнее. — Это не жертва, это просто пожар.

Падани взглянула на неё и замолчала. Возражать Наистарейшей она не смела.

Неожиданно для всех вперёд шагнул Гарола и, упав на колени, прижался лбом к земле.

— Охота и война, — сказал он.

Мужчина мог говорить на совете жриц только если речь шла о большой охоте или о войне. Впрочем, просьба Гаролы была скорее данью обычаям. Как вождь Города, он вполне мог заговорить без разрешения, никто бы его не остановил.

Субеди слабо махнула рукой.

— Наши оборонные стены сгорели, — не двигаясь, всё так же припав к земле, сказал стражник. — Мы не можем защищаться, и на нас нападут хотя бы просто поэтому. Мы находимся в опасности, не меньшей, чем если бы война уже началась. Прошу себе военных полномочий.

По толпе прокатился шёпот удивления. Наистарейшая досадливо поморщилась.

— Сначала нам нужно решить, как жить дальше, — вздохнула она.

Стражник поднялся и, ни на кого не глядя, попятился.

Санира обернулся к Ленари.

— Ну, войной на нас ведь никто не пойдёт! — сказал он, ища у бабушки поддержки. — Некому!

Город находился на самом краю мира, вдали от обжитых, цивилизованных мест. Единственным соседом был Город-у-Ручья, но даже до него нужно было идти три дня. Крошечный, а потому нищий, он балансировал на грани выживания.

Следующим по удалённости был Город-у-Холма, родное селение Цукеги. Вот он был огромным, процветающим и могучим. Там жили мудрые жрицы, велеречивые слагатели песен, сильные воины, могущественные колдуны, способные делать так, чтобы из камня вытекала медь... Однако об угрозе нападения и этого города трудно было думать всерьёз — сосед находился слишком далеко, в семи днях пути.

— Для священной войны расстояние не имеет значения, — мрачно буркнула бабушка, легко догадавшись, о чём думает внук.

— Сёстры-богини на нас разгневаны, — продолжала Цукеги. — И гнев этот ужаснее всего, что когда-либо видели люди в этом мире. Кто из нас может вспомнить случай, чтобы богинями был отвергнут город, уготованный им в жертву? Никакая война, никакое бедствие, никакое несчастье не сравнится с тем, что ждёт нас...

Жрица замолчала. В толпе тоже умолкли все разговоры. Не было слышно даже шороха одежды. Висела мёртвая тишина. Её обросшие густой шерстью лапы обнимали холм, закрывая его от всего остального мира. Воздух не мог пробиться внутрь, и оттого безмолвие душило. Злобно ощерившиеся острые клыки отпугивали любые звуки, и попавшие в объятия тишины люди глохли, придавленные зверями безысходности.

— Это не тот гнев, который можно развеять дарами и подношениями, — произнесла Цукеги мрачно. — Что мы можем предложить сёстрам-богиням, если они отвергли целый Город? — Она беспомощно развела руками. — Такой гнев, возможно, ничем нельзя уменьшить. Вообще ничем. И всё же, если что-то может задобрить Небо и Землю, то это очищение всех и каждого из нас. Отныне мы должны строго следовать обычаям предков, соблюдать все ритуалы, не допускать небрежностей в песнях, приносить все жертвы. Даже если нам уготовано оставаться в этом мире лишь до сегодняшнего вечера, мы должны прожить это время так, чтобы не бояться ответа перед богинями.

Наистарейшая кивнула. Разговор на совете наконец-то пошёл о том, что важно на самом деле.

— Что значило бы в обычное время переселиться на новое место без Великого Обряда? Смерть от мора и ужасающих несчастий, ибо первая из двух сестёр, богиня-Небо, перестала бы нас защищать. Гибель выживших от голода, ибо вторая сестра, богиня-Земля, не дала бы нам урожая. Жуткий холод зимой, ибо сёстры не дарили бы нам тепла. Ну а если бы случилось тройное диво и кто-то уцелел, то ни у кого из нас больше никогда не было бы детей, ибо бог-Змей перестал бы одаривать Город здоровьем. — Цукеги вновь замолчала, обводя женщин совета острым взглядом. — Это несчастья, которые грозят за переселение без предания Города в жертву в обычное время, — продолжила она. — Что же сделают с нами богини теперь, когда их гнев и так превышает всё виденное в этом мире!

Женщина перевела взгляд на Падани. Выражение лица у той оставалось упрямым, и Цукеги открыла было рот, чтобы добавить ещё что-то, но тут вскочила Хорави, третья из жриц Города, служительница богини посевов и скота.

— Нам переселяться нельзя! — крикнула она. — Это очевидно. Но понимаем ли мы, что не выживем здесь ещё одно лето? Сёстры-богини уже давно ждали Великой Жертвы и с каждым летом дарили нам всё меньшие урожаи. Засиделись мы на этом месте! Неужели вы уже позабыли, что последние зимы у нас был голод? Умирали люди. Этой весной мы не сеяли — были уверены, что уйдём. Даже если мы

сейчас бросимся в поля, то на утратившей плодородие почве полба⁹, посеянная так поздно, может и не подняться. Сорняки — та же рожь — забьют немногие ростки. Урожай соберём мизерный, ещё меньший, чем прошлым летом. Голод будет страшный, ничего похожего на то, что мы до сих пор переживали. Уже в следующую зиму умерших в наших домах будет больше, чем живых! И это ещё не всё! Нам нечем кормить скот. Мы заберём под посевы последние скудные луга, останемся без сена, а значит, вскоре лишимся мяса и тягловой силы. И через зиму потеряем от голода ещё столько же людей!

— Это если сёстры-богини позволят нам дожить до завтра... — буркнула Цукеги, поморщившись.

Она никак не ожидала, что такая же жрица, как она сама, поддержит, пусть и не прямо, возможно, даже неосознанно, Падани. Всё, что говорила Хорави, было правдой, но... Уйти без проведения Великого Обряда всё равно невозможно. Зачем тогда эти слова?

— Количество больных в последние лета сильно увеличилось, — продолжала Хорави, запнувшись лишь на мгновение. — Если мы останемся, болезни обрастут Город, как мох дерево. К тому же мы забрались слишком далеко на север. Здесь и так зимы холодные, а в последнее время они стали гораздо злее. Каждую зиму у нас замерзает несколько человек...

Субеди неуютно поёрзала на троне.

— Тебя послушать, — прокрипела она, — так если бы несчастная Нанини не умерла зимой, так весной умерли бы все мы. Что бы мы делали, если бы она оставалась жива?

Старшая жрица явно не ожидала ответа на свой вопрос, но Хорави с независимым видом тут же сказала:

— Вовремя посеяли бы хлеб!

Субеди устало пошевелила плечами, отчего топор и молот едва не выпали из её дрожащих под тяжестью их веса рук.

— Что ты предлагаешь? — тихо спросила Наистарейшая.

Хорави запнулась, будто наткнулась на какое-то препятствие. Посмотрела на Субеди. Вздохнула.

— Я не знаю, — произнесла наконец. — Город не был принесён в жертву.

Опять воцарилась тишина.

Санира растерянно оглянулся на Ленари. Он искал на лице бабушки привычное «Всё будет хорошо!», но та молчала, с тревогой глядя на женщин совета.

— Мы же всегда сможем добыть еду охотой, — негромко сказал он.

Ленари, насупившись, покачала головой:

---

⁹ *Полба (спельта)* — одна из основных зерновых культур трипольцев. Согласно «Большой советской энциклопедии» (БСЭ, 2012), полба — это группа видов пшеницы с ломким колосом и плёнчатым зерном. При созревании колос распадается на колоски с члениками стержня. Зерно при молотьбе не вымолачивается из плёнок. Полба отличается неприхотливостью, скороспелостью, устойчивостью к грибковым заболеваниям. Обладает высокими питательными свойствами. Была популярна ещё в XIX — начале XX веков. Русскоязычному читателю чаще известна по «Сказке о попе и о работнике его Балде» А. С. Пушкина. — *Примеч. историка.*

— Что за охотники из хлеборобов! Одну косулю принести может любой дурак, а вот прокормить целый Город...

Женщина поглядела на внука, увидела что-то на его лице и улыбнулась. Потрепала жёсткой ладонью его длинные чёрные волосы:

— Не волнуйся, что-нибудь придумаем.

Санира пожал плечами. Мол, я и не волнуюсь.

— А новое место? — встрепенулась Падани. — Оно ведь великолепно! Нам с ним повезло! Если мы не переселимся, его займёт кто-то другой! Едва богиня-Небо не откроет свой ночной глаз, как священный запрет, оберегающий ту землю для нас, перестанет действовать.

— И что? — пожала плечами Цукеги. — Мы ничего с этим поделать не можем! Считаю, мы то место уже потеряли.

— Можно отослать туда часть мужчин, чтобы они начали строить новый Город, — упрямо сказала Падани.

Ну конечно! И чтобы они увели с собой на свежие пастбища волов дома Падани. Подальше от голодающих горожан.

Толпа зашумела. Зашумела враждебно. Предложение никому не понравилось. Недовольных было так много, что стражники заметались, не в силах восстановить тишину.

— Этого делать нельзя... — нехотя сказала Субеди. Толпа, согласная с ней, чуть успокоилась. — Разделив целое, мы получим не две силы, а две слабости.

— Точно! — взвизгнула какая-то возмущённая женщина. Один из стражников тут же стал к ней протискиваться.

— Если мы столь сильно опасаемся, сможет ли Город, одно целое, выжить, — продолжала говорить Субеди, — то как же мы можем надеяться, что выживут его части? — Наистарейшая вздохнула. — Главное — был ли пожар предупреждением или приговором богинь?..

Она что-то продолжала говорить, но в этот момент вся площадь вдруг погрузилась в темноту. Толпа охнула. По спинам многих, несмотря на зной, пробежал озноб. Все головы дёрнулись вверх.

Тяжёлые тучи, всё это время стоявшие неподвижно, сдвинулись по повелению богини-Небо и загородили её сияющий глаз. Стало темно как ночью.

Толпа в ужасе замерла, как замирает скованная льдом вода.

Порыв холодного ветра ударил в сгоревший Город. Медная диадема Наистарейшей, тускло сверкнув, слетела с головы, покатила по земле. Субеди едва не бросилась её догонять, но вовремя опомнилась.

Диадема пересекла границу небесного круга и замерла в круге воздушном.

Тишина, давящая, звенящая, наполнилась мертвенностью, будто вобрав смертельный выдох бога-Змея. Никому не нужно было объяснять, что всё это значит. Сердца множества множеств людей дали сбой.

— Будет гроза, — будничным тоном сказала Цукеги.

Субеди вздрогнула, столь неожиданными были эти слова.

Новый порыв ветра ударил в лицо.

И тут же, будто кто-то опрокинул ведро, на сгоревший Город хлынул поток небесной воды...

8.

Второй овал улиц

Пятеро молодых мужчин были без усов и бород. В их возрасте обычно болезненно воспринимают любые сомнения в зрелости, а потому старательно берегут растительность на лице. Эти же брились, выставляя напоказ уверенность в собственной мужественности.

Впрочем, сейчас на их щеках и подбородках темнела грязная щетина. Вокруг лежали пожарища, всё ещё курившиеся, несмотря на прошедший ливень; в каждом доме царили растерянность и страх; мудрейшие женщины Города смотрели в завтрашний день с ужасом... Не до бритья!

Все были в мокрых, насквозь пропитанных водой нарядах. Где спрятаться от ливня в сгоревшем Городе? Разве что прикрыть голову руками и скорчиться где-нибудь под обгоревшим бревном... Копоть, сажа, зола, просто грязь пятнами расплозлись по лицам и одеждам.

Лишь один из этой пятёрки умылся и побрился, и уже оттого бросался в глаза. Это был Радига.

Молодые мужчины несли в руках копья и каменные клевцы¹⁰. На их лицах застыла злая решимость.

На некотором расстоянии позади этого странного шествия лениво, не торопясь, двигалось несколько заинтересовавшихся горожан, и Санира в пару прыжков присоединился к ним.

После ливня остатки Города больше не выглядели чередой тёмных пятен. Потоки небесной воды размывали сажу, множеством чёрных линий прочертив холм. Идти приходилось перепрыгивая через ручьи и лужи, полные взвеси пепла и мелкого мусора.

Радига говорил громко, явно желая, чтобы его слышали:

— ...Кто принёс нам эту беду? Горожане не совершали никаких злодеяний против богинь! Но торговцы! К нам пришло сразу три своры этих лиходеёв, и случился пожар...

Тут Санира получил тычок в бок. Он резко обернулся и наткнулся на Нимату.

— Никакой огонь тебя не берёт! — вместо приветствия пробурчал друг.

---

¹⁰ Клевец — популярное у трипольцев оружие ближнего боя, напоминавшее топорик с узким лезвием и бойком-обухом. Насаживалось на рукоять длиной до 60 см. В какой-то степени — аналог средневековых чеканов и боевых молотов. В ранний период клевцы изготавливали из камня, а затем стали отливать из меди. Это оружие было предназначено, в том числе, для поражения противника, закрывшегося деревянным щитом. При отсутствии металлических доспехов клевец — смертельное оружие. — *Примеч. историка.*

— Да и ты не слишком обгорел!

— Что происходит? — Нимата запрыгал на месте, пытаясь заглянуть подальше вперёд. — Опять Радига что-то затеял? — он старался казаться равнодушным, но при произнесении этого имени его голос всё же дрогнул.

Санира пожал плечами.

— Ну, и как ты выжил, сурок ленивый? — продолжал его друг.

Санира мотнул головой и повернулся лицом к солнцу.

— Ничего не замечаешь?

Нимата недоумённо покосился на него.

— Ну! — Санира слегка выдвинул вперёд подбородок. Говорить приходилось громко, перекрывая крики Радиги и его товарищей.

— Что, тебе зуб выбили?

— Сёстры-богини! У меня борода!

— Ну да! — хмыкнул Нимата, его глаза округлились и быстро замигали. — И правда, борода! Так ты с нами?

Нимата должен был пройти ближайший же обряд. Положенные тринадцать волосков показались на его подбородке ещё до зимних холодов.

Хотя друзья родились в одно лето, Нимата был выше, шире в плечах, плотнее, сильнее. У него намного раньше появилась поросль на верхней губе, и Санира едва не рыдал по ночам от зависти. Спустя несколько лет история повторилась, только теперь с волосками на подбородке. Когда выяснилось, что его друг готов к обряду взросления, а он — нет, Санира весь извёлся от собственной никчёмности. Ему было настолько стыдно, что он даже некоторое время избегал встреч с Ниматой и общими знакомыми.

И вот теперь справедливость восстановилась!

Наслаждаясь своим небрежением, Санира пожал плечами. Конечно, я с вами! А ты что думал?

— Здорово! — закричал Нимата. Крутанулся на месте, изобразив какой-то танец. — Вот так новость! А ты молчал!

Нимата размахивал руками, подпрыгивал, хлопал друга по плечу, подталкивал в спину. Санира улыбался, пытаясь уследить за товарищем.

— Не страшно? Испытания не пугают?

— Испытания не пугают, — всё с тем же деланным равнодушием пожал плечами Санира. — Что пугает — это как бы не попасть из пращи в тебя. Тащи потом такую жирную тушу в Город!

Нимата скорчил гримасу — «Я услышал, но сейчас драться не хочу».

Конечно, жирным он не был. Просто так получилось, что он уже весь оброс вполне мужскими мышцами, вытянулся вверх и стал повыше многих взрослых, а его товарищ отстал от него и в том и в другом. Завидовать другу нехорошо, но, похоже, Санира был пожизненно обречён на это чувство...

— Вот только... Будет ли ритуал?

Сразу стало тяжелее дышать. То, что случилось, забылось ненадолго, теперь вспыхнуло со свежей силой. Как тут думать об обряде взросления, если Город сгорел и никто не знает, что будет дальше с его обитателями?..

Шум и крики впереди усилились. Нимата мотнул головой и бросился догонять шествие. Санира рванулся за ним, и друзья, поскользываясь в грязи и разбрызгивая лужи, помчались вниз по улице.

Количество людей, идущих позади пятёрки, сильно увеличилось. Теперь то, что происходило, уже не было просто странной выходкой пятерых юнцов. Толпа гудела по-настоящему грозно. Голоса были озлобленными, глаза сверкали ненавистью. У многих в руках мелькало оружие.

— ...Зачем в наш Город пришло сразу три шайки?! — продолжал кричать Радига, распаляясь всё больше. — Обычно ведь появляется одна группа, да и то не каждое лето! А тут вдруг сразу три! Вместе! Какое зло они задумали?

Санира ухмыльнулся. А вот в песнях говорится, что ко времени Великого Обряда в городах всегда собираются торговцы. Ведь при переселении многие вещи гораздо выгоднее выменять на медные орудия и еду, чем тащить с собой.

— ...И луны здесь не пробыли, а у нас случился невиданный пожар! Не было торговцев — стоял Город, пришло сразу три шайки — и он сгорел!

Санира поймал себя на мысли, что ему бы тоже хотелось, чтобы во всём оказались виноваты именно чужаки. Никакого гнева богинь, никакой вины на горожанам, просто бродяги, которых не понять, пришли и сожгли дружелюбный Город...

Кулаки невольно сжались. Конечно, так и было!

Тут одна из шагающих в толпе девушек повернула голову и посмотрела на Радигу сияющим, полным восхищения взглядом. Её губы приоткрылись, будто она хотела дышать одним с ним воздухом, глаза распахнулись, будто она желала впустить его слова прямо в сердце, руки поправили волосы, будто она намеревалась взмахнуть ими, чтобы оторваться от земли и воспарить рядом...

Нимата охнул. Лицо его налилось кровью.

Милые округлые ямочки на щеках, ровная смуглая кожа, широкая белозубая улыбка, густые чёрные волосы, выражение лёгкого удивления в больших карих глазах — это была Лакути.

Дыхание Санеры тоже сбилось. Как всегда при виде этой красоты. Сердце затрепетало. В животе что-то сжалось. В присутствии этой девушки было невозможно думать о чём-либо ещё. Она заполняла собой весь мир, растворяла в себе, лишала воли. Лакути, несомненно, была самым прекрасным существом в круге земном... И да простят богини, но может, и в круге небесном!

— И она здесь! — всхлипнул Нимата.

Ему не хватило воздуха, и он сглотнул, переводя дух. Он поднял глаза вверх, будто обращаясь к богине-Небо. Челюсти его заходили.

— Она говорит, я ей не нравлюсь! Она говорит, ей нравится он! И крутится вокруг него, как муха! Она ведь даже не слушала меня! Она никогда меня не слушала! А теперь она улыбается!

Нимата ткнул пальцем в сторону девушки. Голос его уже достаточно окреп, чтобы его могли слышать, и Санира осторожно скосил глаза по сторонам. Пока никто на них не оборачивался.

— Она улыбается, а он её не замечает! Я следил бы за каждым движением её ресниц, а он не видит даже, когда она идёт рядом. Рядом! И ей это всё равно! — Нимата размахивал руками, распаяясь всё больше. — «Уйди и никогда больше не попадайся мне на глаза!» — кричала она! Посмотри на неё! Она только что не стелется под него!

Глаза юноши налились кровью, ноздри раздувались. Он подпрыгивал, тыча руками в сторону Лакути.

— Ложись ему под ноги! Пусть он идёт по тебе, как по земле! Она ведь хотела, чтобы я пропал из виду! Конечно, ей было бы стыдно, если бы я увидел, как она ложится ему под ноги!

Пока стыдно было только Санире. Как и вчера. Он боялся поднять глаза. Некоторые из шествовавших за Радигой обернулись и теперь, не скрывая усмешек, слушали Нимату.

— Вот и бегай теперь за ним! Я не буду тратить на тебя время, я не буду подносить тебе воду, я не буду дарить лучшее, что у меня есть! Лежи под его ногами и радуйся!

Нимата уже кричал из всех сил. Его наверняка было слышно в соседних кварталах. Радига прекратил говорить и то и дело оборачивался на ходу. Лицо Лакути окаменело. Она подчёркнуто смотрела только вперёд.

— Мне нужно возвращаться домой! У меня есть более важные дела, чем быть там, где она увивается за ним. Пусть ляжет ему под ноги! И не нужно меня звать, когда она наконец захочет встать.

Нимата резко развернулся и решительно зашагал обратно. Санира бросился за ним, схватил за плечо, но его товарищ рявкнул:

— Не ходи за мной!

И, вырвавшись, ускорил шаг.

9.

Городской ров

Группа во главе с Радигой миновала место, где стояли сгоревшие теперь городские ворота, вышла ко рву и остановилась. По ту сторону, рядом с тропинкой, которая вела в поля и Лес, находился лагерь торговцев.

Купцы уже знали, что происходит. Выставив вперёд копья, они сгрудились плечом к плечу вокруг тюков с товарами и нескольких женщин, сопровождавших их в странствиях, — каждая шайка вокруг своих. У ног наготове лежали клевцы, дубины, топоры. Чужаки настороженно поглядывали на пришедших и молчали.

Санира оглянулся. Втайне он надеялся, что Нимата уже успокоился и теперь плетётся где-нибудь позади. Друга нигде видно не было. Как не было видно никого из стражников.

У многих горожан было оружие. Остальные, впрочем, вполне могли подхватить непрогоревшие обломки городских ворот или взять копья в соседних домах. Но даже в этом случае численное превосходство осталось бы на стороне

торговцев. Не говоря уж о том, что лета странствий по диким, опасным местам научили купцов сражаться. Слаженно, ожесточённо, решительно. И оружие у них было лучше...

Санира остро чувствовал, что сейчас может произойти что-то по-настоящему страшное. Любое столкновение с купцами означало множество умерщвлённых и раненых, лужи крови, всеобщее горе. Богиня смерти уже была здесь, уже злобно скалилась, паря над горожанами и торговцами, утробно рыча в предчувствии обильной добычи. Кто бы в этой схватке ни оказался сильнее, бой на этом не закончится. Если победят купцы, весь Город бросится мстить за своих. Если победят горожане, разъярённые торговцы, сколько бы их ни выжило, прорвутся на овалы улиц...

Санира вдруг, похолодев, осознал, что Мадара и Донира ушли к волам на центральной площади, а дома остались лишь беззащитные женщины...

— Ну, ну, ну, — вдруг где-то сзади раздался тонкий голосок.

Все оглянулись.

Огибая одно из пожарищ сбоку, к воротам семеня толстенький старичок. Рядом с ним шагала Гарола, как всегда суровый, собранный.

— Так, так, так, — говорил старичок.

Толпа злобно сдвинулась, найдя новую цель, лёгкую и беззащитную. Лишь присутствие вождя не позволяло немедленно броситься на купца.

— Вот он! — заорал кто-то, и над головами мелькнул клевец.

К мосту через ров приближался Текура, глава одной из шаек. Как и все предводители торговцев, он предпочитал ночевать не в походном лагере, а в Городе, у кого-то из знакомых. По стечению обстоятельств, Текура всегда останавливался у Зунати, в доме самого Радиги.

— Мой мальчик, что случилось? — говорил старичок, приближаясь. Казалось, он не замечал грозной толпы. Быстро перебирая короткими ножками, странник с осторожностью нёс перед собой драгоценное пузо. — Я пошёл к своему другу Гароле... — Он оглянулся на старшего стражника и слегка откинул голову, будто был удивлён, что тот оказался рядом. — Ты ведь знаком с Гаролой? — спросил Текура. Потом похлопал ладонями по бокам. По обычаям каких-то неизвестных городов, пузо торговца охватывал широкий кожаный пояс, на котором висели парочка глиняных амулетов, медный нож, клевец и топор. — Конечно, ты знаком с Гаролой! Это ведь старший стражник, да? Вождь Города, да? Самый главный, да? Так вот, я пошёл к моему другу Гароле, а он мне говорит: «Давай проведем старину Радигу». И вот мы здесь! И что я вижу? У тебя недовольный вид. Тебя что-то тревожит? Ты сердито дышишь... Что случилось? Позволь, я подам тебе воды в лучшем сосуде по эту сторону Великой Реки, и ты мне всё-всё расскажешь!

Странная парочка достигла рва.

— Торговцы сожгли Город! — закричал Радига, потрясая копьём.

Толпа откликнулась свирепым воем.

— Какое злодеяние совершили горожане против богинь-сестёр? Никакого! А торговцы? Мы не знаем, каким диким, богохульным обычаем они следуют! Мы знаем лишь, что стоило им прийти, и Город сгорел!

— Торговцы, торговцы, торговцы, — запричитал Текура. Он уже вышел на мост через ров и остановился между группой горожан и купцами. Гарола держался чуть в стороне. — Мой друг, я ведь тоже... — Старичок смущённо пожал плечами и, будто выдавая тайну, произнёс, понизив голос: — ...торговец. — Он глянул на Радигу, покивал, словно дивясь своим словам, а потом запричитал: — Неужели ты думаешь, что это я сжёг Город? Ведь я живу в твоём доме вместе со своей женщиной, каждый день угощаю тебя водой и хлебом, распеваю вместе с тобой песни сёстрам-богиням, делюсь всем, что знаю и видел! Неужели это я? Я?

— Нет, — отрезал Радига. — Не ты! Кто-то из них! — И он кивнул на угрюмо молчавших торговцев по ту сторону городского рва.

— Зачем мирным купцам сжигать город, твой Город, любой город? Ведь мы живём подаяниями — приносим то, что нужно вам, и берём то, что вам не нужно. Мы благоденствуем, когда благоденствуете вы. Мы бедствуем, если — пусть никогда милостью сестёр-богинь этого не случится! — бедствуете вы.

— За колосок полбы мы теперь вынуждены будем отдать лучшие кремнёвые пластины! Мы скоро голодать будем!

— Горе, горе, горе, — замотал головой Текура. — У меня тринадцать мешков колосьев. Я мог получить за них, например — и это только пример, конечно! — тринадцать пластин. А получу — ты говоришь, и это ты говоришь! — два раза по тринадцать пластин. Значит, я и каждый из людей моей группы получим дополнительно по одному булжнику на человека. Неужели, ты думаешь, ради одного обломка кремня стоило сжигать Город? Это всё равно что забивать быка ради кожаной ленточки для волос!

— Мы не знаем, каких обычаев понабрались купцы в дальних странствиях!

— Дальних, ох, дальних! Целое лето нужно, чтобы дойти до Великой Реки и вернуться назад. Идти от города к городу. Обороняться от диких злодеев и жадных поселенцев, против зверья лесного и степного, против напастей объяснимых и необъяснимых! И всюду лишь сёстры-богини защищают нас. Лишь следование обычаям предков. Лишь жизнь цивилизованного человека. Да разве смог бы торговец выжить, если бы стал поносить богинь! Вот кто поджёт Город? Кто? Вот они все, торговцы. Укажи! — Старичок сделал широкий жест в сторону оцетинившихся копьями купцов.

Радига выглядел смущённым, однако заговорил громко и твёрдо:

— Этой ночью на улицах горящего Города я видел в одеянии Наистарейшей вот... — его глаза забегали по лицам торговцев, — ...его! — он ткнул пальцем в направлении одного из странников.

— Сёстры-богини! — Текура всплеснул руками. — Это ведь Сикана из моей группы! Он прибежал в самом начале пожара в твой дом, чтобы помочь спасти людей и выгонять скот. Неужели не помнишь? Ах да, тебя ведь во время пожара не было дома. Как я мог забыть! Прости, прости! — Старичок стал поглаживать свою длинную чёрную бороду и качать головой.

Решимости у молодого мужчины поубавилось, но отступить он всё же не собирался.

— Ну, вот этого? — палец Радиги переместился, чтобы указать на другого странника. На этот раз из группы поменьше.

— Ветена, жабы твои потроха! — закричал Текура, в сердцах срывая с головы повязку. Он не носил шапки, только повязки. И, кстати, не вплетал двойную чашу в волосы, слишком реденькие они у него были, а вешал её на шею на яркой ленточке, как ожерелье. — Что же ты наделал! Ведь ты говорил, что помогал во время пожара дому Цукеги!

— Так и было, — понуро отозвался Тисака дома Цукеги, один из друзей Радиги. — Он помогал Бовине, своему предводителю, который остановился у нас.

— Воды, воды, воды, — зачастил старичок, поворачиваясь к горожанам то одним боком, то другим, будто не в силах решить, как лучше пройти в свой лагерь, чтобы принести чашу. В конце концов, он не сдвинулся с места. — Мальчик мой, драгоценный сын моей драгоценной Зунати! Не смущайся, пусть две ошибки подряд из двух попыток, сделанные в присутствии вождя твоего Города, не заставят тебя отступить. Скажи, кого ты видел ночью? Они все здесь. Укажи!

Радига замялся. К этому моменту весь его пыл улетучился.

— Было темно, и меня огрели чем-то тяжёлым по голове... — сказал он неуверенно.

Вот так поворот! Радигу всё-таки ударили по голове! Тоже! Вот почему он сказал Мизази, что провалялся всю ночь без сознания! На него напали так же, как и на самого Саниру! Вот это да! Ничего себе совпадение!

Юноша возбуждённо завертелся на месте, чтобы с кем-нибудь поделиться этой новостью, но никого из знакомых рядом не было.

— Люди, люди, люди! — заохал Текура. — Мои любимые жители этого самого моего любимого города! Сколько раз я приходил к вам, принося полотно и зерно? Я был ещё юн, как мой милый друг Радига, когда появился на вашем пороге в первый раз. А теперь я дряхлый глупый старик, но всё же приношу то, что вам нужно, снова и снова. Вы были довольны мной, я был доволен вами, и богини любили нас. Давайте вернёмся в Город, сядем у костра, угостим друг друга водой¹¹!

Текура засеменял вперёд, как-то неуловимо быстро оказался около Радиги, подхватил его, повёл сквозь толпу, и тот пошёл с ним без возражений. Люди расступились, пропуская их. Торговцы опустили свои копья. Сквозь их строй из самой большой группы протиснулась наружу пожилая женщина лихого, даже устрашающего вида и бросилась к своему мужчине, Текуре. Тот замедлил шаги, поджидая её. Радига послушно замер рядом.

— Ни один странник с начала времён не терпел в нашем Городе никаких обид. Все под взглядом богини-Небо знают, что торговать у нас безопасно, — сказал Гарола и отрывисто скомандовал, сверкнув глазами: — Разойтись!

Потом увидел Саниру и махнул рукой, подзывая.

---

¹¹ В данном случае более уместным напитком было бы пиво. Трипольцы, как показывают находки обработанных соответствующим образом зёрен ячменя, варили пиво уже в пятом тысячелетии до н. э. — *Примеч. историка.*

Вода была ледяной. Санира заставил себя войти в Реку по пояс. Дыхание сбилось, тело всё как-то подобралось, ноги сами поднялись на цыпочки. Вода теперь колыхалась где-то на уровне пупка, и каждый раз, когда очередная волна с плеском захлёстывала кожу ещё выше, Санира подпрыгивал, тщетно пытаясь от неё убежать.

Где-то там, в глубине, носились богини Реки, добрые на берегу, злые в родной стихии. Там ходили по дну страшные чудовища, бесформенные, безжалостные, ненасытные. Там мельтешили зубастые рыбы и выпускали свои кровожадные пути ползучие водоросли.

Прямо перед Санирой ухнула и окунулась в Реку с головой Ленари. Погружённый в воду по грудь, её уже ждал Мадара. Он подхватил женщину, помог встать на ноги и подтолкнул к берегу.

Тело Санеры сопротивлялось самой мысли погрузиться в ледяную Реку, разум дрожал от страха, и только гордость в груди расправляла крылья, не позволяя бежать. Юноша, показывая пренебрежение к опасностям и холоду, с силой оттолкнулся от дна и прыгнул вперёд. Брызги двумя высокими крыльями взмыли в воздух и полетели в стороны, окатив бабушку и ещё нескольких женщин.

Поднялись крики, но Санира их не услышал. Его тело, сжавшись в вопящий от обжигающего холода комок, погрузилось в Реку. Звуки замерли далеко вверху, над поверхностью. В тёмной толще воды мимо поплыли какие-то чёрные пятна. Возникло ощущение парения, причём парения вверх, а не вниз, будто этот холодный мир пытался не поглотить, а вытолкнуть наружу. Мелькнул отголосок воспоминаний о чём-то похожем... Ах да, о мальчишке, которого Санира знал очень давно. Тот хвалился, что не тонет в Реке, что может двигаться в ней, не опираясь ногами на дно. Парень несколько зим назад умер от жара, но в воде он ведь действительно не тонул...

Через миг Санире подхватили сильные руки Мадары. Юноша стал яростно вырываться, но руки не отпускали, пока он не почувствовал твердь под ногами. Санира отскочил назад, гневно сверкнул на отца глазами и, загребая руками по сторонам, пошёл к берегу.

На погружённом в темноту берегу горело несколько огромных, в человеческий рост, костров, и юноша, обрушив на землю целые потоки воды, побрёл к ближайшему. Там, в быстро редющей толпе, уже сидело несколько человек из дома Ленари. Стояла там и сама бабушка. Она встретила внука недобрым взглядом — всё ещё злилась из-за ледяных брызг.

Они кивнули одной из женщин, которая необдуманно вызвалась поучаствовать в обряде. Та бубнила однотонную песнь — бесконечное повторение нескольких слов. На её лице читались усталость и скука.

Донира подхватил Ленари на руки. Быстрым шагом подошёл к костру и прыгнул. Тёмные фигуры на миг замерли посреди яркого пламени и тут же исчезли.

Множество людей справа и слева точно так же проходили через огонь.

Помощница жриц продолжала петь свою песнь.

Санира разбежался и прыгнул. Холодная мокрая одежда сковывала движения, но ему удалось легко взмыть в воздух, пролететь через огонь и приземлиться далеко за костром. Жара пламени юноша ощутить не успел, волосы не затрещали — всё произошло слишком быстро.

На той стороне его ждала Ленари. За руку она держала мокрую Чивати, которую Донира точно так же пронёс через огонь чуть раньше. Рядом топталась тётка Гарули со своей маленькой Нураби.

— Пошли, — буркнула бабушка Санире, развернулась и двинулась к дальней череде костров, в сторону, откуда доносилась ещё одна заунывная песня.

Юноша поплёлся позади, намеренно отставая, чтобы никому и в голову не пришло, что его нужно водить за ручку.

Все, кто перепрыгнул через пламя, собирались в очередь у тринадцати священных костров. Там, внутри вложенных друг в друга кругов, в дыму ритуальных курений, сидела на своём троне, качаясь в забытии, Наистарейшая. Беседа с богинями её вымотала — на лбу проступил пот, волосы спутались, одежда пришла в беспорядок. Зрочки за полуопущенными веками закатились, и казалось, что у Субеди вместо глаз белеет устрашающая пустота.

Вдоль черты, отделявшей земное пространство от воздушного, медленно покачивались в ритуальном танце три добровольные помощницы жриц во главе с Цукеги. Их руки, как ленивые змеи, попеременно подымались к спаренным глиняным чашам в волосах. От однотонного пения, тревожного биения барабанов, заунывной музыки ощущение тоскливой безысходности сгущалось и плыло клубами, как дым курений.

Иногда Наистарейшая вскрикивала невпопад, и женщины умолкали. Замирали немногочисленные зрители, сгрудившиеся у подземного круга. Оглядывались и люди, стоявшие в очереди. В такие моменты слышался только треск тринадцати костров, и от этого становилось ещё страшнее.

Богини скользили над головами людей, слушали разговоры, прикасались к тревожно бьющимся сердцам. Их бестелесные фигуры то становились плотнее, проступая сгустками темноты, то расплывались над холмом и речной долиной, растворяясь друг в друге. Их желания проскакивали чёрными молниями в воздухе, змеились в земле, закручивались невидимыми водоворотами в Реке. Главные среди них, две сестры, были повсюду. Всё живущее и не живущее находилось на лоне богини-Земли. Над миром нависало лицо богини-Небо. Её иное лицо сейчас рассматривало какой-то другой мир, о котором никто из людей ничего не знал. И в то же время сёстры витали рядом с каждым из людей, струились сквозь них, проникали в каждую голову, заглядывали в глаза. При том, что в этот же момент они сидели на своём троне и беседовали с Наистарейшей...

Санира силился избавиться от ощущения благоговейного ужаса. Он говорил себе, что ещё ни разу через открытые круги не вырывалось в мир земной неведомое

зло мира небесного, что ещё никто не сошёл с ума, находясь так далеко от тринадцати ритуальных костров, что, в общем-то, сам обряд общения с сёстрами-богинями его никак не касается.

Легче от этого не становилось. Санире невыносимо хотелось сделать хоть что-нибудь, отогнать зло иного мира. И ещё он мучительно боялся, что как-то выдаст окружающим свой страх...

— У меня всё из рук валится, — жаловалась какая-то женщина впереди.

— Гнев богинь, — качала головой её собеседница.

Они помолчали, глядя на Наистарейшую.

— Если ей не удастся упротить...

Субеди всё так же раскачивалась из стороны в сторону. Густые клубы дыма окутывали её. Рядом стояла чаша с тайным напитком, теперь уже пустая.

— Гарола приходил... — одна из женщин отвернулась от костров и, недовольно поглядывая на слишком приблизившегося Санису, стала что-то нащёптывать подруге на ухо.

Юноша сделал пару шагов назад, показывая всем своим видом, что бабские сплетни его не интересуют. Он и сам сегодня говорил с вождём Города. Причём дважды!

Санира, придавленный величием вождя, во время вечерней встречи по большей части смущённо молчал, иногда кивал или мотал головой. И всё же, странным образом, старший стражник, задавая простые вопросы, часто внезапные, иногда повторяющиеся, но совершенно простые, сумел вытянуть из него всё — не только про таинственного мужчину, бродившего по Городу в одеждах Наистарейшей ночью, не только про напавшего на Санису лиходея, но и обо всём, что случилось во время пожара. Его заинтересовала даже история о том, как Санира и Ленари спаслись из огня, и он спрашивал о ней снова и снова...

Из темноты с охапкой хвороста вынырнул Нимата. Быть членом дома Наистарейшей трудно. Юноша был одним из первых, кто сразу после жриц прошёл обряд очищения. Теперь он вместе с ещё несколькими помощниками поддерживал огонь в священных кострах. Впрочем, Нимата делал это гордо, с выпрямленной спиной и вознесённой головой. На нём была свежая, чистая и сухая одежда — ритуал не запрещал переодеваться после окунания в Реку.

Уложив хворост на землю, Нимата повернулся, медленно и серьёзно кивнул Санире и со всей возможной торжественностью растворился в темноте.

Чуть поодаль стояло множество странников. Обряд очищения их не касался, они не были жителями Города, но любопытство всё равно пригнало их сюда.

Текура наслаждался происходящим. Он похлопывал себя ладонями по бокам, вертелся на месте, охал, ахал, что-то непрерывно говорил своей женщине, которая была выше него и выглядела, как это ни удивительно, гораздо воинственнее. Глаза её сверкали.

В другой группе купцов выделялся жилистый мужчина, страшный, как сам бог-Змей. Его многочисленные люди тихо переговаривались между собой, он же хранил ледяное молчание и неотрывно глядел на Наистарейшую. В отблеске костров

он казался могучим дубом, обретшим облик человека. Он приходил с товарами в Город в прошлое и позапрошое лето, но Санира не знал его имени.

Последняя шайка состояла из пятерых, включая Корики. Впрочем, ни её, ни её брата нигде видно не было, здесь присутствовало только трое. Эта ватага пришла в Город впервые. Их предводитель был молодым, пожалуй, слишком молодым для того, чтобы вести за собой в полные опасностей походы людей, однако в нём чувствовалась такая решительность, целеустремлённость и готовность к жестокости, что пространство вокруг него как бы расширялось, а сам он казался выше и старше.

Это был Десуна, нынешняя любовь Такипи. И что только она в нём нашла? Нет, правда, что?

— Какой симпатичный! — донёсся до Саниры голос за спиной.

Юноша, зардевшись, обернулся. И покраснел ещё больше. Говорили не о нём. Несколько несмышлёных девчонок, едва достававших Санире до носа, шушукались между собой, поглядывая на молодого купца. Они были мокрыми, как и все вокруг. У обеих в волосах были сдвоенные трубки. Немыслимо, но женщины проходят обряд взросления на много лет раньше мужчин...

Одна из девушек повернула голову, поймала взгляд Саниры и тут же прыснула со смеху. Смеялась она ехидненько, с издёвкой. Её подруга обернулась, увидела смущение юноши и присоединилась к смеху.

Санира сделал вид, что его интересует только то, что происходит впереди, у костра. Однако напряжённая спина выдавала, что он всё слышит.

Девушки продолжали шушукаться и хихикать.

Санира, забыв о желании держаться подальше от своего дома, выбрался из очереди и подошёл к Ленари.

— Без нас стало скучно? — спросила Чивати.

Сёстры-богини! Она тоже говорила ехидно, с издёвкой. Интонации были невероятно похожи. Способность так разговаривать, что, даётся им от рождения?

Ленари оглянулась, увидела Саниру, тепло улыбнулась и попыталась потрепать по голове. Юноша шарахнулся в сторону, и бабушка, хмыкнув, убрала руку.

— А он откуда взялся? — возмутилась одна из женщин в очереди. — Иди на своё место!

— Это мой внук, — ответила Ленари, проталкивая юношу перед собой.

Сзади послышалось ворчание, но недовольство пошло на убыль.

Время шло; очередь медленно продвигалась вперёд. Говорили о пожаре.

— За что же богини так прогневались на нас? — вопрошала одна женщина.

— А я скажу тебе, за что... — отвечала другая.

Дальше следовал длинный перечень обычных человеческих злодеяний — падение морали, забвение богинь, всеобщая лень, непослушание молодых. Вон, даже дети стали без очереди лезть, а главы домов их покрывают.

Женщины продолжали свой разговор, навевая на Саниру тоску.

Наконец он оказался около жертвенного костра. К этому моменту юноша в своей мокрой одежде совсем продрог, и пальцы его, когда он протянул руку, тряслись

от холода. Хорави ножом отхватила от жарившейся здесь туши жертвенного барана кусочек мяса.

В другой обстановке Санира обжётся бы, но заледеневшие пальцы ничего не почувствовали. Юноша погрузил зубы в умопомрачительно вкусное мясо, почувствовал, как от долгожданного угощения свело скулы, и очищение — большое священное очищение водой, огнём и жертвой — свершилось...

Вдали, совсем на отшибе, горели другие костры. Там тоже пели, но пели совсем другие песни. Там тоже били барабаны, но совсем в другом ритме. Там царило веселье. Там шутили, кричали, смеялись, танцевали. Там толпились юноши и девушки приблизительно одного с Санирой возраста. Некоторые из них уже прошли свой обряд взросления, другие — нет, сейчас это не имело значения.

Санира, едва проглотив последний кусочек мяса, бросился туда.

Его перехватила какая-то девушка и, сжав пальцы в холодной ладошке, потянула за собой. Они побежали к костру и с ходу присоединились к танцу. Судя по всё ещё не слишком женственной фигуре похитительницы, была она гораздо младше. В её волосах не было двойной чаши, так что обряда взросления она тоже ещё не прошла. Санира вглядывался в симпатичное, хоть и с детскими чертами лицо, пытаясь вспомнить, где он уже её видел.

— Натари!

Девушка резко обернулась.

Непонятно откуда вынырнула Корики. Глаза её воинственно сверкали.

— Эй, а ну не трогай моих мужчин!

— Потом ещё потанцуем? — спросила девушка, сразу стушевавшись и отступив на шаг.

Санира кивнул. Теперь он её вспомнил. Натари дома Наистарейшей, дочь одной из тёток Ниматы. Сколько раз он видел её раньше! Маленькую девочку, игравшую со своими куклами! Когда она успела вырасти? Когда она превратилась в девушку? Неужели ей нужно было станцевать с ним в неверном свете костра, чтобы он заметил, что она больше не ребёнок?

— Давай, беги к детишкам! — рявкнула Корики, и Натари, пугливо отступив ещё на пару шагов, затерялась среди танцующих.

Победительница обернулась к Санире, оплела его шею руками и уже гораздо мягче добавила:

— Ну, хоть уберегла тебя от этих хищниц!

Санира скромно кивнул. Понятно, кого-кого, а его нужно оберегать от хищниц!

Корики уже приплясывала. Была она необычно, невероятно подвижной, будто капелька воды на раскалённом камне. При мальчишеской фигуре именно эта живость делала её красавицей, глаз не оторвать.

Корики и Санира танцевали, падали на землю, чтобы отдышаться, и вновь присоединялись к веселящимся. Они смеялись. Они слушали песни и пели сами. Все печальные мысли отошли в сторону. Бесследно рассосался холодок страха, засевавший в животе.

Несколько раз Санире на глаза попадалась Натари, и он всякий раз дивился тому, какой взрослой она стала. Девушка же под его взглядами смущалась, и это казалось странным.

Интересно, что произойдёт, если появится ещё и Мизази? Корики придётся сложно — при всей своей скромности соседка так просто не отступит.

Чувствовать себя в перекрёстке девичьей борьбы было, что ни говори, лестно.

В очередной раз отбежав передохнуть, Корики и Санира уселись на землю. Оба тяжело дышали, вытирая со лба пот.

Отблески костра играли багровыми и оранжевыми тенями на лице девушки, и без того столь же подвижном, как и вся она. Чёрные волосы, собранные в две косички, разметались по тоненьким плечам. Сдвоенная керамическая трубка сбилась набок и покачивалась в такт движениям головы.

— Что смотришь? — спросила Корики, покосившись на Санире.

Тот вместо ответа потянулся к ней. Руки обняли хрупкий девичий стан.

— Ты что,пусти! — вскрикнула Корики, отталкивая Санире.

— Можно я тебя поцелую? — спросил он дрожащим голосом, ещё сильнее притягивая девушку к себе.

— А ну! Быстро! — скомандовала Корики. Ей хотелось произнести это строго, сердито, но получилось как-то неуверенно.

Санира пригнулся к её губам. Девушка рванулась в сторону. Это была не обычная игра в скромность, и юноша разжал руки.

Удивительно, но теперь, оказавшись на свободе, Корики не вскочила и не убежала. Осталась сидеть рядом, приводя в порядок одежду. Сердито косила на Санире глаза.

— Не делай так больше!

— Почему? Почему бы нам... — юноша вновь потянулся к ней.

— Ты не способен устоять ни перед одной женщиной! — отрезала Корики. — Когда определишься, кто тебе на самом деле нужен, тогда поговорим.

Это она о нём? О нём? Это он не способен устоять ни перед одной женщиной?

— Зачем ты так... — сказал Санира, и в его голосе прозвучала обида.

Корики глянула ему в глаза, выражение её лица смягчилось.

— Ну... — пробормотала она, прикасаясь мягкой ладошкой к его волосам. — Не сердись.

Её пальцы нежно заскользили по затылку и тут же наткнулись на шишку, оставшуюся после утреннего удара.

— Это что? — с живой непосредственностью Корики пригнула голову Санире и стала убирать пряди длинных, мокрых после купания в Реке волос. — Ого! Не болит?

Конечно, болит. Так бесцеремонно давить!

— Что ты! — с гордой невозмутимостью ответил Санира и принялся рассказывать.

Безжалостный и по-медвежьи сильный Поджигатель заметил, что пронизательный и бесстрашный Победитель Зла ищет следы лиходейства...

— А почему обязательно Поджигатель? — спросила Корики. — Мало ли кто мог это быть?

— Кто ещё!

Победитель Зла своим зорким взглядом выискивал следы лиходейства и складывал их в свой заплечный мешочек. Позже он хотел рассмотреть их и предаться размышлениям о чёрном уме Поджигателя. И тут на Победителя Зла напали. Сзади. В ужасающий момент, когда...

— А что именно ты нашёл? — с любопытством прервала Саниру Корики.

Юноша напрягся. Одно дело преувеличивать, совсем другое — нагло врать. Цивилизованный человек не лжёт, как какой-нибудь купец без родины и чести.

Едва подумав об этом, Санира смутился ещё больше. Корики ведь пришла как раз с купцами!

— А ты знаешь, что Радигу тоже огрели по голове? — заговорил он, меняя тему. — Ночью. Только сильнее, чем меня, и он потерял сознание. Я же просто не мог подняться на ноги.

— Да ну! — удивилась Корики. Однако, сбить её с толку было трудно. — Так что ты нашёл там, на площади?

Санира напрягся, пытаясь придумать уклончивый ответ. К счастью, в этот момент кто-то плюхнулся рядом с Корики.

— Воркуете?

Это была Лакути. Санира невольно подобрался, его сердце замерло, дыхание сбилось, мысли сдуло. Немыслимая красота!

Рядом остановилась её подруга, та самая молодая женщина, с которой юноша разговаривал утром. Она обмахивала своё разгорячённое лицо ладонями.

— Ты же был сегодня у городского рва? Что ты об этом думаешь? — Лакути пригнула голову, чтобы видеть за Корики Саниру. Она улыбалась, отчего в свете костра как-то по-особенному играли ямочки на её щеках.

Санира лихорадочно стал придумывать оправдание выходке Ниматы.

— Здорово Радига всё выпытал у купцов, да?

Так вот она о чём! Как вывернула всю историю с походом на торговцев!

— Ой... — вдруг спохватилась Лакути, глянув на Корики. — А ты там тоже была?

Та со всей своей живостью дёрнула плечиками и, размахивая руками и приплясывая, стала рассказывать, как она помогала Падани готовить ужин на промокших после ливня дровах.

Барабаны, умолкнувшие было, застучали вновь. После первого же удара стало ясно, что сейчас будет танец охотников — завораживающее зрелище, редкое и незабываемое.

В круг света впрыгнул Десуна, предводитель одной из шаек странников — тот самый, любовь Такипи. И вновь Санира, глядя на него, почувствовал, что этот мужчина, столь обыкновенный, ничем особенным не выделяющийся, такой же, как все, способен на очень многое, даже на то, чтобы умертвить человека.

— Знаете, кто это? — зататорила Корики, обращаясь к подругам. — Это предводитель моей группы. Зовут Десуна.

— Предводитель торговцев? — изумлённо переспросила молодая женщина. — Такой молодой?

Корики оглянулась на Саниру и, припав к уху подруги, стала ей что-то быстро-быстро шептать. Та заулыбалась. Брови в удивлении задвигались. А может, не в удивлении, а в восхищении...

Санира почувствовал укол ревности. Ему было досадно, что девушки обсуждают другого.

Как и положено в танце охотников, Десуна был полубожен. Мнения о своей внешности он, похоже, был высокого — развёл руки, широко улыбался, кивал, всем своим видом показывая, что понимает, какое впечатление производит на девушек.

Девичьи вздохи действительно раздавались тут и там.

Танец охотников всегда проходит только под отрывистый бой барабанов. Никакой музыки. Никаких песен. Должны быть хорошо слышны удары ног о землю. На больших праздниках даже нарочно строят настил, а танцоры привязывают к подошвам деревянные дощечки.

Десуна был бос, и всё же ему удавалось отбивать ритм. Из-под его ног в стороны разлетались камешки. Звук получался тихий, низкий, а оттого особенно волнующий. Копьё, занесённое для броска, резко поворачивалось вместе со всем телом.

— Он ходил за Великую Реку, — продолжала довольно громко, теперь уже оторвавшись от уха молодой женщины, Корики. — В пути на него нападали дикари, другие торговцы, даже отряд какого-то окраинного города на востоке...

— ...И он, конечно, умертвил уйму врагов и заслужил любовь невиданных красавиц? — рассмеялась женщина. — Сама богиня-Земля вышла к нему навстречу, чтобы коснуться губами его рук?

Все прыснули со смеху.

В круг света впрыгнул ещё один торговец из отряда Десуны. Участники танца должны были двигаться совершенно одинаково, будто отражение друг друга. Звук ударов ног о землю удвоился. Два копья теперь угрожали то восходу, то заходу.

— Ух ты... — прошептала Лакути.

Она не отрываясь следила за танцорами. Санира с болью взглянул на неё.

— Это мой брат! — с гордостью сообщила Корики.

— Да он у тебя о-го-го! — воскликнула молодая женщина, и все три подруги, покосившись на Саниру, снова рассмеялись.

К танцу присоединились последние два странника из шайки Десуны. Их появление было ожидаемым. Из-за сложности танца его исполняли только те группы мужчин, которые его вместе разучивали. Иначе одновременности не добиться. Это могли быть купцы, из лета в лето передвигающиеся меж городами, или юноши, вместе проходившие обряд возмужания.

Танцоры двигались, как бы отражаясь друг в друге. Охотники невысокими короткими прыжками стали надвигаться на костёр. Потом, когда уже казалось, что они прямо сейчас окажутся в пламени, развернулись.

Четыре пары босых ног одновременно ударили в землю, четыре поблёскивавших в свете костра тела двигались совершенно одинаково, четверо мужчин в один и тот же момент резко поворачивались в одну и ту же сторону.

Ритм барабанов постепенно нарастал, движения танцоров убыстрялись, но поразительная слаженность движений сохранялась, и это завораживало, затягивало.

Санира уже давно стоял. И не просто стоял — невольно отбивал ритм ногами. Зрители, образовавшие огромный круг у костра, делали то же самое. На лицах читалось восхищение. Несколько пожилых мужчин и женщин подошли, чтобы посмотреть.

Ритм ускорялся. Близилось невероятное завершение, когда охотники одновременно метают копья в костёр. При этом воткнуться копья должны под совершенно одинаковым наклоном и на одинаковом расстоянии друг от друга. В этот момент танцоры замирают, барабаны умолкают, и под восхищённый рёв зрителей змеи огня устремляются из костра вверх по деревянным рукоятям, обмотанным тряпичными лентами.

Увидеть этого, увы, не довелось. Вмиг всё изменилось. В толпе началось движение.

— Наистарейшая вернулась! — раздался крик.

Кольцо зрителей сломалось. Толпа бросилась к далёким кострам. Танцоры сделали ещё несколько движений, уже враздробь. Потом и они побежали следом.

Наистарейшая действительно уже пришла в себя. Трон¹² её теперь стоял вне магических кругов, и она, обессиленная, сидела, откинувшись на спинку и глядя неподвижным взглядом на чёрный свод небес.

Жрицы под свои унылые песнопения закапывали в особой яме голову и костяк жертвенного барана. Вокруг них новым жаром пылали тринадцать священных костров.

Все смотрели на Наистарейшую, ожидая, когда она заговорит. Субеди же продолжала глядеть на звёзды и молчала.

От группы жриц отделилась Цукеги и склонилась перед Субеди. Заговорила, но слов слышно не было. Наистарейшая повернула голову и посмотрела невидящим взглядом на толпу. Что-то сказала. Воцарилась полная тишина. Цукеги выпрямилась и громко повторила её слова:

— Сёстры-богини гневаются на нас.

Толпа, и без того безмолвная, оцепенела.

— Они сожгли наши жилища.

Наистарейшая явно теряла связь с действительностью, глаза её закатывались. Цукеги вновь склонилась над ней. На этот раз оказавшись почти у самого рта Субеди.

— Нам надлежит отстроить Город и прожить в нём тринадцать лун, строго следуя обычаям и помня о богинях. Затем сёстры позволяют принести им его в жертву.

---

¹² Во время раскопок часто находят керамические модели тронов со спинкой в виде двух женских фигур (иногда с признаками беременности). Прототипы таких изделий вполне могли быть изготовлены из дерева и использоваться в торжественных случаях. — *Примеч. историка.*

Толпа зашевелилась. Новости, принесённые Субеди из потустороннего мира, обнадеживали.

— Каждый тринадцатый мужчина отправится на новое место, чтобы закрепить его за нами и начать строительство нового Города.

Послышался настороженный шелест голосов. Это хорошей новостью назвать было трудно.

Гарола шевельнулся. Наистарейшая перевела на него взгляд и кивнула.

— Времена предстоят тяжёлые, подобные войне... — Она вновь умолкла. Её взгляд стал блуждать по толпе. — Даже страшнее войны. — Она повернулась к старшему воину Города. — Гарола получает полномочия военного времени. Подчиняйтесь его решениям.

ДЕНЬ ВТОРОЙ

1.

Тропинка среди полей

Нотаба дома Зечаци не выспался и сильно устал. Вся его одежда была в налипших влажных веточках и пожухлой листве, обувь покрыта слоем мокрой грязи, заткнутый за пояс медный клевец перекосялся и грозил вот-вот вывалиться.

Рарара обнюхал Нотабу, признал своим и теперь весело вилял хвостом.